

ЭШЛИ ДЬЮАЛ

СМЕРТЕЛЬНО
ПРЕКРАСНА

LIKE
BOOK

Москва
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д92

Художественное оформление *Радия Фахрутдинова*

Иллюстрация на переплете — *Djuneу9*

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:

© Mid0ri / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Дьюал, Эшли.

Д92 **Смертельно прекрасна / Эшли Дьюал. — Москва :**
Эксмо, 2023. — 448 с.

ISBN 978-5-04-177878-1

Семнадцатилетняя Ариадна Блэк потеряла семью в страшной аварии.

Она хочет начать новую жизнь и переезжает в Астерию — город на Восточном побережье, где живут ее тетушки Норин и Мэри-Линетт Монфор, родные сестры матери.

О семействе Монфор ходят странные слухи: они заперты в четырех стенах своего старинного особняка Монфор-л'Амори, а люди считают их причиной самых необъяснимых и загадочных событий, происходящих в Астерии.

Ариадна старается игнорировать слухи, но со временем ее одолевают сомнения: можно ли доверять таинственным родственникам?

Ариадна хочет разобраться в семейных тайнах и выяснить, что же происходит в Астерии на самом деле. Но на пути к разгадке своего прошлого она понимает, что убежать от себя и своей семьи не так просто, как кажется.

Готова ли Ариадна к самому опасному приключению в своей жизни?

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Дьюал Э., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2023

ISBN 978-5-04-177878-1

*Мы смотрели в лицо Смерти,
И Смерть моргнула первой.*

ПРОЛОГ

Я думаю, с каждым из нас происходит что-то плохое, причем ежедневно. Мы не обращаем внимания, а этот шар постоянно крутится, и на наши головы падают осадки в виде надоедливых сестер или невыносимых родителей. Кому-то везет больше, кому-то меньше, но в конечном счете у каждого из нас накапливается целый список того, без чего жизнь стала бы проще и, возможно, даже лучше.

Например, я терпеть не могу разговоры с предками об учебе. Каждый раз, когда они затевают эту песню — а делают они это довольно-таки часто и серьезно, я отворачиваюсь и представляю, как прыгаю с крутого обрыва, и это мне кажется классной перспективой, ведь нахмуренный лоб отца и серьезный взгляд матери выглядят чертовски раздражающе. Иногда я думаю, что лучше действительно спикировать с утеса, чем выслушать в очередной раз их рассуждения о будущем и прочей чепухе. Затем я возвращаюсь с небес на землю, выбрасываю из головы мысли-паразиты и киваю родителям. Порой киваю не один раз, чтобы мама перестала причитать — остановить ее сложно.

— Ты ведь особенная.

На слоганы для неудачников похоже, верно? Но мама считает, что мотивирует меня. Мне хочется сказать, что ее наставления — глупости, но она расстроится. Мама жутко впечатлительна. Она наверняка удивится, если рассказать ей историю о Санта-Клаусе. *Настоящую* историю, а не ту, в которой толстый мужик спускается по трубе и разбрасывает подарки.

Зима в нашем городе паршивая. Дороги замело, за окном — ни черта не видно.

Дворники работают ритмично, скребутся, как стекло о пенопласт, и нет чтобы как обычно пойти в школу, я еду с семьей в универмаг на отшибе, мать его, мира. Нет, не то чтобы я хотела сидеть на занятиях, просто поездки с предками заканчиваются драматично. Сталкиваюсь с мамой, вступает отец. Ну а еще ноет сестра, которая ненавидит, когда мы ссоримся и орем друг на друга.

Мама у меня психолог, это жутко бесит. Она вправляет мозги всяким суицидальным подросткам, шестнадцатилетним мамашам и прочим недомеркам, *которые не подумали о своем будущем и потонули в омуте собственного безумия*. И со мной мама ведет себя так, будто я хоть чем-то похожа на этих маниакальных креатинов. Да, она всегда придет на помощь, но даже тогда, когда ее помощь не требуется. Это реально мешает нам с ней понять друг друга. Она вечно меня за руку держит, словно я утопающая. Но я не тону — вот в чем проблема.

— Ты не пробовала записаться на дополнительные кружки по рисованию?

— Да пошло оно все, мам!

— Ари, следи за языком!

Мама оборачивается, смотрит огромными глазами, и мне тут же становится стыдно. Не люблю ее разочаровывать. И дело не в том, что я сказала: «*Пошло все*». Я могу ругаться сколько влезет, но ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах, нельзя забывать о *мать-его-прекрасном-будущем*. Целый храм поклонения какому-то там будущему, которого может и не быть! Могла бы сказать: Ариадна, забудь про дополнительные кружки для неудачников. Или: Ариадна, удели больше внимания себе и своим желаниям. Нет, Ари, цепляйся за все, что только можно, и несись так, будто за тобой мчится поезд, норовящий размазать твое лицо по асфальту.

— Мам, я слушаю музыку.

— Нет, не слушаешь.

Я поджимаю губы и притворяюсь, будто не слышу ее. Смотрю в окно.

— Ариадна Мари Блэк, я с тобой разговариваю. — Мама выдыхает и смотрит на меня потускневшими глазами, в которых не-

ожиданно проносится печаль. — Я не хочу, чтобы ты что-то упустила. Жизнь такая короткая.

— Мам, к чему все это? Что за упаднический настрой?

— Просто... — Мама застывает с открытым ртом, отец поглядывает на нее с тревогой, и тогда она встряхивает темными волосами и выпрямляется на сиденье. — Просто у меня плохое предчувствие.

— Предчувствие? Опять эти твои «странные штучки»! — я закатываю глаза. — Что на этот раз? Увидела плохой знак в чайной заварке или сон приснился?

— Ари, — протягивает отец, — хватит.

— Что? Мне просто интересно. Вечно маме что-то в голову взбредет, а я отдуваюсь.

— А я когда-то ошибалась? — Мы вновь смотрим друг на друга. Ее карие, почти черные глаза проникают внутрь меня, и живот скручивается от непонятного ощущения. — Стоит ли напомнить тебе про тот день, когда ты...

— О нет!

— ...решила сходить в кино на свидание с Беном Мак-Каффи. Я говорила, не ходите в кино, лучше в парке прогуляйтесь, а ты, конечно, назло мне и всему миру согласилась на фильм, как он назывался еще... по-дурацки как-то.

— *«Всегда говори всегда»*, — помогает папа, кривя губы.

— Да, точно! А потом, что потом случилось?

— Хватит, — я прикрываю пальцами покрасневшее лицо, — ма-а-ам!

— Потом на тот же сеанс пришла его бывшая подружка Синтия. И Бен целый вечер в ее сторону смотрел, потому что не мог глаз оторвать.

— Это нечестно! Такое один раз случилось.

— Такое постоянно случается, — говорит отец и смеется. — Ты никогда нас не слушаешь, а потом жалуешься. Если мама говорит, что нужно записаться на дополнительные кружки, значит, так правильно. Что ты теряешь, Ари?

— Собственное мнение.

Мама всплескивает руками, Лора повторяет за ней, будто играет в какую-то, только ей известную игру, а я расстроено взды-

хаю. Когда мы научимся слушать друг друга? Разве так сложно — не ругаться, а разговаривать? Отстойная зима какая-то.

Покрышки скользят по мокрой дороге, папа смотрит на меня, криво улыбаясь, в салоне жарко, окна запотели, и капли скатываются по стеклам, как по щекам Лоры, когда она ревет из-за мультиков. А затем неожиданно перед машиной вспыхивает что-то яркое. Мама кричит — я не разбираю слов, папа резко выворачивает руль, и машина слетает с обочины в черную пасть леса.

Я думаю, с каждым из нас происходит что-то плохое, причем ежедневно. Мы не обращаем внимания, а этот шар постоянно крутится, и на наши головы падают осадки в виде надоедливых сестер или невыносимых родителей. Кому-то везет больше, кому-то меньше, но в конечном счете у каждого из нас накапливается целый список того, без чего жизнь стала бы проще и, возможно, даже лучше.

Но иногда мы не понимаем, что такое *«лучше»*, что такое *«плохо»*. Мы жалуемся на жизнь, и вскоре она начинает жаловаться на нас, преподнося неприятные сюрпризы.

В тот момент, когда Лора — мой совсем маленький, надоедливый монстр — застывает с распахнутыми от ужаса глазами, а родители подаются вперед от сильнейшего удара, я понимаю, что готова жить в том плохом, которое у меня было. Что мое плохое на самом деле хорошее. Но я понимаю это слишком поздно.

Все мои мысли исчезают, и я превращаюсь в надоедливую мошку, которую хватают в ладони и сдавливают изо всех сил. Я слышу хруст, а после — ничего...

Глава 1

АСТЕРИЯ

Я приезжаю на закате. Останавливаюсь напротив небольшого двухэтажного дома и выкатываюсь из машины, захлопнув за собой дверь. Мои руки непроизвольно сплетаются на груди, а легкие вспыхивают огнем, будто я вдохнула горячий пар.

Коттедж старый, но выглядит прилично. Крыша черная, стены сероватые, трудно сказать, что это за архитектурный стиль, я в этом плохо разбираюсь, но здесь определенно прожило не одно поколение Монфóр-л'Амори. Язык сломаешь, верно? Именно поэтому фамилию сократили до Монфор. Звучит не так пафосно, но зато никто не ошибается и не думает по десять минут, прежде чем позвать вас.

Меня обдувает теплый ветер — южное приветствие южного городка Астерии.

Я закрываю глаза и глубоко втягиваю воздух, пытаюсь свыкнуться с той мыслью, что жизнь продолжается. Трудно поверить! Жизнь не должна продолжаться. Я не хочу, чтобы она продолжалась. Но водитель фуры не спросил разрешения, когда выехал на встречную полосу, и в больнице не спросили, хочу ли я проходить терапию. Собственно, социальный работник у меня тоже не поинтересовался, намерена ли я переезжать в Астерию к двум сумасшедшим сестрам матери, которые живут за счет неплохого наследства, оставленного прадедушкой. Никто ничего не спросил, и все за меня решили. Мне остается лишь стоять здесь и делать вид, что я дышу. Что мир крутится. Что родители и Лора не умирали.

Достаю с заднего сиденья две тяжелые сумки. Закрываю машину и на автомате плегусь к коттеджу. Калитка скрипит, когда

я толкаю ее бедром. Медленно ступаю по каменной дорожке, оглядываюсь и вижу ворона, притаившегося на растопыренной ветке. Он громко каркает, и его крик прорывается внутрь меня, отдаваясь эхом в голове. Жутко здесь, очень-очень жутко. И я скептически хмыкаю.

Бросаю сумки на коврик перед дверью и встряхиваю волосами. Вытираю ладонями вспотевшее лицо и резко опускаю руки. «Просто плыть по течению», — думаю я. Это все, что мне нужно. Доктор сказал, однажды я найду смысл в жизни. *Он пообещал мне.* Ну а я ответила, что он убудок, все его слова — полная чушь и что, если он еще раз скажет подобную несуразицу, я сорвусь с кресла и выбью ему его идеальные зубы. Вот так мы обменялись обещаниями, и он больше ни разу не втюхивал мне этот бред про светлое будущее и мир во всем мире.

В очередной раз набираю в легкие воздух, поднимаю руку, собираюсь постучать, но неожиданно дверь резко распахивается, и я проваливаюсь в пустоту, едва не задев лицо маминой младшей сестры Мэри-Линетт.

— Ариадна, — говорит она и улыбается. Глаза у тети Мэри светло-изумрудные. Таких я ни у кого прежде не встречала. — Наконец-то ты приехала.

— Да, — киваю я, — приехала.

Мэри-Линетт назвали в честь актрис, прославившихся и потухнувших в далекие 50-е годы. Родители долго не могли определить, какое имя больше подходит дочери, и в итоге решили не заморачиваться.

Мама часто рассказывала мне эту историю. Все время смеялась. *Мама.*

Я отворачиваюсь и крепко стискиваю пальцы в кулаки. Каждое воспоминание о ней делает мне больно. Очень больно. Я чувствую, как вспыхивает лицо, щеки, лоб, как тело в мгновение превращается в факел, и я ничего не могу с этим поделать. Просто горю.

— Ариадна, — шепчет тетя Мэри, кладет ладонь на мое плечо, и пожар, пылающий во мне, неожиданно утихает. Я растерянно застываю. — Когда-нибудь тебе станет легче.

— Что?

— Проходи в дом. Норин чувствовала, что ты подъезжаешь. Сделала чай и разогрела еду. Ты ведь проголодалась, верно? — она смотрит на меня огромными глазами, а я просто молчу. Давно мне не было так спокойно... Однако едва тетя отнимает руку от моего плеча, как тревога тут же вонзается острым клинком в живот, и я горблю спину.

— Мне нужно...

— Не стой на пороге! Я занесу вещи. Давай же, проходи, Ари. Проходи!

Мэри-Линетт затаскивает меня в коттедж, а сама энергично подхватывает с крыльца сумки. Откуда у нее столько сил? Мэри старше меня лет на пятнадцать. Она не похожа на типичных представителей молодежи, но в ее глазах горит огонек, свойственный малолетним авантюристам, которые еще не представляют, в какое дерьмо они вляпались. Жизнь ведь дерьмо — я могу написать об этом книгу.

Мэри захлопывает дверь и подбадривающе кивает мне. В доме темновато и пахнет какими-то травами. На стенах приуныли потертые зеркала разной формы, черно-белые фотографии. Под ногами скрипят половицы. Слышу, как тикают часы, и взглядом пытаюсь их найти.

— Хорошо выглядишь, — улыбается тетя Мэри и вскидывает острый подбородок, — такая красавица. Сколько сердец уже разбила, признавайся?

— Ничего я не разбивала. — Безучастно отворачиваюсь. Глупый разговор. Не хочу делать вид, будто все в порядке, и обсуждать парней — нормально. Ненормально. Я здесь не потому, что соскучилась по Мэри или Норин, а потому, что умерли мои родители, и как-то странно выбрасывать этот факт из головы. — И выгляжу я обычно.

— Может быть, прогуляемся? Я покажу тебе Астерию.

— Может быть.

— Было бы неплохо выбраться на воздух вместе, Ари.

— Было бы неплохо свыкнуться с мыслью, что я здесь, а не дома. — Я перевожу взгляд на младшую сестру матери: — Сейчас мне хочется только этого — и все.

Мэри-Линетт протяжно вздыхает, но продолжает улыбаться. Не понимаю, как она силы находит. Почему способна разговари-

вать? Почему ходит с таким лицом, будто ничего не случилось? Может, она так долго не видела маму, что успела забыть ее?

Задумчиво свожу брови. Иду за Мэри-Линетт и через несколько секунд оказываюсь на уютной кухне, где возле плиты стоит средняя сестра моей матери Норин — высокая и худая женщина с густыми короткими волосами цвета воронова крыла. Ее тонкие длинные пальцы рвут листья салата и складывают их в прозрачную миску. Спина у нее до безобразия прямая, а на ногах широконосовые туфли, наверняка жутко неудобные.

Мэри с глухим стуком бросает сумки. Они плюхаются на пол, разносится эхо, и тетя Норин растерянно оборачивается, сощуриив серо-голубые глаза — они у нее такого же цвета, как пятнистые озера в Британской Колумбии.

— Ариадна? — тихим голосом спрашивает она и вытирает ладони о фартук. Ох, как же нелепо он на ней смотрится. Серьезная и холодная, как метель в Миннесоте, она достойна жизни в XIX веке, а не коттеджа в веке информационных технологий. — Ари!

Норин делает несколько широких шагов и внезапно прижимает меня к себе, да так крепко, что у меня перехватывает дыхание. Я неуверенно кладу ладони ей на плечи.

— Как ты? — шепчет она мне в волосы. — Устала?

Не знаю, что ответить, поэтому молчу и жмурюсь. Так неожиданно, но мне не хочется отстраняться, хочется провести в таком состоянии вечность. Но тетя почти молниеносно размыкает объятия и поправляет воротник свитера. Лицо у нее непроницаемое.

— Садись. Выпей чаю и поешь. Я приготовила тебе комнату на втором этаже. — Норин проходится пальцами по коже под глазами и порывисто отворачивается. Облокачивается о разделочный стол и кивает сама себе, будто соглашаясь с чем-то. — Ты любишь мятую?

Открываю рот, но она уже отвечает:

— Да, любишь. Точно.

Растерянно улыбнувшись, я усаживаюсь за дубовый стол. Мэри плюхается напротив, складывает руки в замок перед собой, и мы замолкаем, будто видим друг друга впервые. Неловкая ситуация. Я поправляю волосы, они у меня огненно-рыжие, как медь,

и собираю их в пучок. Трудно сказать, что именно я сейчас чувствую, пожалуй, мне не по себе.

— Как доехала? — деловым тоном интересуется Норин, добавляя в чай мяту.

— Хорошо, без проблем.

— Мы записали тебя в школу, отдали документы. Занятия уже идут пару недель, но...

— Но идти завтра не обязательно, — громко заявляет тетя Мэри и с вызовом косится на сестру, — если хочешь, отсидись пару дней или недель. Ничего не случится.

— Хотя лучше, — добавляет Норин, — уроки не пропускать, все же начало года.

— Кому какое дело до этих уроков? Бессмысленная трата времени.

— В мире принято бессмысленно тратить время на занятия в школе, Мэри.

— А еще в мире принято носить обтягивающие джинсы и поощрять однополые браки.

— Ей *нужно* ходить в школу.

— А я что, говорю не ходить? Хотя можно и не ходить, — шепчет она, наклоняясь ко мне, а затем вновь смотрит на сестру: — Ариадне надо привыкнуть, вещи свои разобрать, в конце концов. Как думаешь, Ари?

Хлопаю ресницами и ощущаю, как в воздухе повисает напряжение. Ну и странные у них отношения!

— Я сделаю, как вы скажете. Завтра в школу? Хорошо.

— Норин так не говорила.

— *Я так* сказала, — заявляет Норин холодным тоном.

— Ну что за глупости? Понюхай базилик, Норин.

— Я сейчас дам тебе понюхать асафетиду, — развернувшись, угрожает Норин, и я вдруг думаю, что асафетида — это как минимум ядерная бомба, потому что взгляд у тети сердитый.

— Все в порядке, вы чего? — я приподнимаю ладони в сдающемся жесте и встаю из-за стола. Норин и Мэри-Линетт синхронно переводят на меня взгляды. Никогда раньше я не замечала, что они так похожи. — Я могу разобрать вещи сейчас, а завтра пойду в школу.

— Это необязательно.

— Тетя Мэри, все в порядке. Мне плевать, правда. Не хочу ни о чем думать, а в школу пойду, чтобы занять мысли.

— Реджина велела бы тебе идти, не пропускать занятия и не терять времени, — шепчет Норин, но на меня не смотрит, а пялится на свои руки и кромсает моцареллу. В груди у меня начинает покалывать. — Она не оставила бы тебя дома, потому что надо двигаться дальше, и я хочу, чтобы ты двигалась дальше. Понимаешь?

Мы смотрим друг на друга. Взгляд у тети Норин пронзительный. Меня немного трясет. Я сжимаю кулаки.

— Понимаю. Я в комнату пойду, хорошо? А поем попозже.

— Тебя проводить? — приподнявшись, спрашивает тетя Мэри, но я качаю головой: — Не надо.

— В доме много спален.

— Не волнуйся. Я найду, а потом спущусь к вам — попозже. — Я пытаюсь выдавить из себя улыбку, но выходит паршиво. Мэри-Линетт бледнеет. — Все в порядке. Честно!

Я не знаю, зачем говорю это, кого пытаюсь убедить. В горле застревает колючий ком, будто крик, готовый вырваться наружу, и, подхватив с пола сумки, я срываюсь с места, надеясь как можно скорее найти свою комнату и спрятаться.

Никто за мной не идет. Ношусь, словно сумасшедшая от одной двери к другой, а когда нахожу нужную спальню, пятки у меня пылают, будто бы я металась по горящим углям. Захлопываю дверь, бросаю вещи и начинаю расхаживать по комнатушке туда-сюда. Я ничего не вижу. Не вижу, какого цвета обои, не вижу, стоит ли кровать, есть ли окно. Все превратилось в огромное черное пятно, и оно наваливается на меня, как гигантский камень.

Выпрямляюсь, растерянно оглядываюсь и наталкиваюсь на свое отражение в большом зеркале. Со мной что-то не так, что-то не то с глазами. Подхожу ближе и вижу на щеках мокрые дорожки, сосуды в глазах полопались, а губы дрожат, словно мне жутко холодно. Что за черт! Пытаюсь успокоиться, а внутри так и пылает пожар, неистовый и безжалостный. Прижимаю пальцами веки, но слезы все равно катятся. Стискиваю зубы, подбородок дрожит.

И я просто ложусь на кровать, беспомощно подогнув под себя ноги. Доктор говорил, что однажды мне станет легче. Какой же он все-таки ублюдок!

Не знаю, сколько проходит времени — час или два, я все-таки нахожу в себе силы и поднимаюсь с постели и осматриваюсь. Что ж, комната совсем небольшая, стены черные, широкое окно закрывает серый тюль. Пол старый и потрескавшийся, немного стертый. Но мне нравится. Люблю, когда темно, свет не пробивается сквозь шторы и не врзается в глаза, только тогда мне уютно, будто мрак скрывает то, чем я ни с кем не хочу делиться.

Поднимаюсь с кровати и осматриваю небольшой деревянный комод и стол. Я не должна попусту растрачивать время, но возиться с вещами нет желания. Не люблю я раскладывать по местам то, что потом обязательно окажется черт-те где.

Раскрываю сумки и, особо не заморачиваясь, кучей запикиваю вещи в комод, а потом с трудом задвигаю ящик — дело сделано, и радости моей нет предела. На стол вываливаю книги из второй сумки. Складываю их в шатающуюся пирамиду. Сойдет! Вопрос, что завтра надеть в школу, меня не мучает. Не думаю, что это важно, тем более я не собираюсь производить впечатление — мне не до одобрения людей. Пусть сначала себя одобряют, а потом мне что-то высказывают.

Я стягиваю с себя ветровку и достаю из комода мятый свитер. В самый раз! Нахожу в пакете старые кроссовки — с протертыми пятками, но любимые — и выскакиваю из комнаты, как из тюремной камеры. Мне нужно освежиться.

Не хочу встретить тетюшек, поэтому к выходу бегу на носочках, стараясь не скрипеть половицами. Естественно, все тонкости дома мне неизвестны, и к входной двери я крадусь, как бегемотиха, постоянно задевая что-то и снося на своем пути даже то, чего на моем пути не было. У выхода едва не роняю вазу с ярко-сиреневыми орхидеями. Каким-то волшебным образом я подхватываю ее на лету, и на лбу у меня появляется испарина.

— Черт! — Господи, и что со мной? Поворачиваю ручку, дергаю дверь на себя и испуганно цепенею, увидев перед собой бледное лицо тети Мэри.

— Ари?

Вот же лажа! Мэри стоит в такой позе, будто давно меня поджидает. Я застываю от ужаса: лицо у нее белее снега, а глаза горят так, словно в них пляшет пламя.

— Я просто хотела...

— Что хотела?

— Прогуляться. — Я судорожно сглатываю и отбрасываю назад волосы. Мэри-Линетт выпрямляет спину. Взгляд у нее недоверчивый и проницательный, кажется, она хочет испепелить меня прямо здесь.

— Ночью? Одна? — спрашивает она. — Глупая затея.

— Астерия — криминальный городок?

— Каждый город чем-то опасен. — Тетя Мэри неожиданно расслабляется. Ее плечи опускаются, а на губах появляется знакомая мне легкая улыбка. — Я с тобой пройдуся.

— Мне ведь не пять лет, тетя Мэри.

— Мне, знаешь ли, тоже, но я предпочитаю ходить в компании. И тебе советую.

— Все так плохо? — интересуюсь я и выхожу из дома.

Мэри-Линетт громко хлопает дверью и через несколько секунд оказывается рядом. Она решительно подхватывает меня под локоть. В небе ни звезды. Ветер замер, в воздухе плавает невыносимая жара. Мы идем по пустым улицам, тихо ступая по асфальту. Из открытых окон коттеджей доносятся голоса, музыка... Я пытаюсь убедить себя, что мой дом теперь здесь, но у меня ничего не получается. Это место *чужое*, пусть и красивое.

— Мне кажется или ты явно преувеличила, когда сказала, что здесь второй Детройт? — спрашиваю я у тети.

— Я просто не хочу, чтобы ты бродила одна по незнакомым улицам, — отвечает Мэри.

— Ну ладно, выкладывай: ты поджидала меня на пороге?

Тетя Мэри усмехается, опускает голову, и ее черные локоны каскадом падают с плеч.

— Даже на улице тебя было слышно, — признается она, — сбегать из дома ты не умеешь.

— Да я никогда не пробовала.

— А я поставила рекорд. Мама постоянно вылавливала меня где-то.

— И почему ты убегала? — Я с интересом смотрю на Мэри-Линетт. Она красивая. Мне кажется, если она и сбежала, то для свиданий с плохими парнями, которые определенно не могли глаз от нее отвести.

— По разным причинам.

— Например?

— Например, меня раздражали правила, *вечные правила*, которые никто не вправе нарушать. Ты знаешь нашу бабушку. — Мэри бросает на меня лукавый взгляд и улыбается. — С ней трудно было спорить.

— Что за правила? — я почему-то усмехаюсь. — Мама никогда не говорила, что Силест держала вас в ежовых рукавицах.

— Может, потому, что твоей маме меньше всех досталось. Она уехала до того, как Силест атаковала нас параноидальными правилами. Знаешь, Реджина не была любимицей в семье, но она *всегда делала все правильно*, придаться к ней совершенно невозможно. — Тетя Мэри тяжело вздыхает. В глазах у нее мгновенно проносится столько чувств, что я не успеваю ухватиться ни за одно из них. — Она была хорошим человеком. Я уверена, останься она дома, проблем у нее не возникало бы.

— Да. — Я стискиваю зубы и опускаю голову: — *Была*.

— А знаешь, что самое смешное? Мы с Норин постоянно с матерью ссорились, рвались на свободу, будто одержимые, а Реджина слушала ее. *Всегда*. Но именно она уехала.

— Как? Как она решилась?

— Влюбилась.

— Серьезно?!

— Ну да! Встретила Люка, и все само собой завертелось. Мне исполнилось тринадцать, когда ты родилась. Я вообще мало что понимала. Но одно заметила: мама выдохнула, словно с ее плеч груз упал. Она прекратила свои издевательства, мы с Норин задыхались! И я тогда не понимала, в чем дело. А сейчас...

— Сейчас понимаешь?

— Немного. — Тетя Мэри пожимает худыми плечами и неожиданно переводит на меня взгляд, полный вины: — Ты не против, что я... говорю о Реджине. Прости!

— Нет, что ты! — энергично киваю головой и придвигаюсь к Мэри-Линетт ближе. — Ты словно соединяешь меня с ней. Правда! Так хочется тебя слушать.

— Ты смелая, Ари.

— Скорее отчаянная. Наверное, стоит забыть обо всем. — Я отворачиваюсь. В груди покалывает. — Стоит отпустить маму, Лору и отца.

— Ну, ты поделись секретом, если получится, Ари! — горько улыбается Мэри-Линетт и вновь пристально глядит на меня. — Вряд ли кому-то удалось избавиться от воспоминаний. В отличие от хороших плохие воспоминания остаются с нами надолго.

Воздух становится прохладным. Я поправляю волосы, оглядываюсь и непроизвольно натываюсь на взгляды двух женщин, стоящих на другой стороне дороги. Они смотрят так пристально, что мне становится не по себе. Я дергаю тетю Мэри за руку:

— Что это с ними? — Незнакомки продолжают испепелять нас взглядами. Интересно, тут все такие дружелюбные? Я чувствую, как Мэри-Линетт с силой сжимает мою руку, и недоуменно перевожу на нее взгляд: — В чем дело?

— Ни в чем. — Мы ускоряем шаг. — Не обращай внимания.

— Я могу сделать вид, что ничего не случилось, но это странно. Чего они так пялились? Дай угадаю! Новенькие в Астерии не в почете?

— Ты тут ни при чем.

— Тогда кто при чем?

— Это долгая история, — отмахивается тетя Мэри, но я заинтригована и сбита с толку. В Северной Дакоте никто не стал бы церемониться и уже давным-давно врезал бы таким любопытным идиоткам по лицу. — Нашу семью в Астерии недолюбливают, ты же знаешь.

— Думала, все это выдумки. — Я удивленно вскидываю брови и усмехаюсь: — Неужели жители Астерии действительно сторонятся коттеджа Монфор-л'Амори?

— И не только коттеджа. Вместе с предками нам по наследству перешли еще и глупые предубеждения. Вот что значит — пускайте корни в новом месте, иначе застрянете вместе с паразитами. — Мэри-Линетт хмыкает и тянет меня в обратную сторо-

ну: — Думаю, нам пора возвращаться. Если тебе завтра в школу, нужно идти спать.

— Но чего именно боятся горожане? — спрашиваю я. — Мама ничего мне не рассказывала об этом.

— И хорошо, иначе спала бы ты, моя дорогая, по ночам совсем не сладко.

— Я заинтригована. Расскажи, тетя Мэри.

— Ну что ты как маленькая!

— Но мне правда интересно.

— Нет в этом ничего интересного, — всегда веселая и общительная Мэри-Линетт становится печальной. Она отводит взгляд в сторону и шепчет так тихо, что я едва слышу: — Я многое отдала бы, чтобы никогда об этом не знать.

Глава 2

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Я собиралась поехать в школу на машине. Но утром меня разбудили яркие солнечные лучи. Они прорывались сквозь толстые серые шторы, и я, не веря, поднялась с кровати.

В Северной Дакоте все дни промозглые и холодные. Нет, случается тепло, но так редко, что я забывала, каково это — нежиться утром на солнышке. Глупо, да, но у меня возникло желание пройти пешком по солнечной Астерии, и я понеслась в ванную комнату, дабы не терять времени зря.

Волосы после душа торчали в разные стороны. Я взъерошила их пальцами, пригладила и не глядя вытащила вещи из комода: старую футболку «Рамоунз» и нелюбимые джинсы, потертые и дурацкие, но я нашла их на барахолке и отдала всего три бакса. Экономия стоила того. Сидели они нормально, пусть и бесили меня.

Я никогда не переезжала и ходила в одну школу, поэтому понятия не имела, что нужно взять с собой. Какая разница? Ну, не съедят же меня, если я не возьму пару лишних тетрадей. Ну а даже если и скажут что-то, то пожалеют. Я школу никогда не любила. Правда, есть одна проблема: тут я никто. Нет моего отца, который вставал на мою сторону, что бы ни происходило. И мамы нет, которая взорвала бы мозг обидчикам психологическими формулировками и убеждениями. Тут я одна. Меня никто не спасет, не прикроет, придется самой отвечать за свои поступки. А если учесть, что у семьи Монфор здесь не так много друзей, легко точно не будет.

Спускаюсь по лестнице, скользя ладонями по шероховатым перилам. Этот дом такой старый, но в то же время есть в нем что-

то завораживающее. Наверное, меня очаровывает неизвестность. По этим ступеням ходили моя мама, моя бабушка и ее мама. Разве в это так просто поверить? О нет! Как представляю себе призрачные голоса, гуляющие по мансарде, так сразу душа леденеет.

— Ари, зайди на минутку, — слышится с кухни голос тети Норин, и я послушно иду к ней, на ходу разминая плечи. Поспать нормально не получилось. Я ворочалась, невольно вспоминая то, о чем хотела бы забыть. — Твои завтрак и обед.

Тетя Норин, одетая в закрытый свитер и плотные брюки, протягивает мне упаковку с чем-то горячим. Я благодарно улыбаюсь.

— Спасибо, — говорю я и прячу еду в сумку.

— Ты прекрасно выглядишь, — улыбается Норин. Она спокойна, но робка. Такое впечатление, будто тетя всеми силами старается выглядеть отрешенной. — Знаешь, ты очень похожа на бабушку. Тебе говорили?

— Да. Пришлось рассказать, ведь ни у кого в нашей семье нет огненно-рыжих волос. — Я криво ухмыляюсь: — Такое трудно скрыть.

— Глаза у нее тоже были изумрудными, — задумчиво продолжает тетя, приближаясь ко мне почти вплотную, — поразительное сходство.

Неуверенно улыбаюсь. Не знаю, почему сравнение с бабушкой заставляет мою кожу покрыться мурашками, будто бы Силест Монфор была опасным и чужим человеком.

Я собираюсь уйти, однако тетя Норин вскидывает руку и восклицает:

— Подожди, совсем забыла! — Она подбегает к шкафам с травами. Ищет там что-то, бормоча себе что-то под нос. Я с любопытством наблюдаю за ней. Когда тетя Норин выпрямляется, в пальцах у нее перевязанный пучок каких-то сухих растений: — Держи!

Я недоуменно вскидываю брови, но все же принимаю подарок:

— Что это?

— Люцерна.

— Люцерна?

— Это к удаче, Ариадна. Спрячь в сумку или в карман джинсов. Станет страшно, просто прикоснись к ней. Волнения исчезнут, я обещаю.

Растерянно гляжу на тетушку. Так-так, *мамины штучки*. Она тоже любила говорить нечто подобное, пропитанное магическим смыслом и звучащее как полная околесица. Трава, приносящая удачу? Ну а почему бы и нет, верно?

Я натянуто улыбаюсь:

— Спасибо.

— Я серьезно, — будничным тоном говорит тетя Норин. — Мысли материализуются, а люцерна поможет тебе направить их в нужное русло.

— Окей. Как скажешь.

Я усмехаюсь, но траву не выбрасываю. Прячу ее в сумку и выхожу из кухни. У меня чокнутая семейка. Если все Монфор-л'Амори верили в то, что травы приносят удачу, а сны становятся явью, неудивительно, что никто не рвался с ними общаться.

Я выхожу из коттеджа и невольно улыбаюсь. Вот уж не думала, что смогу улыбаться. После смерти родителей и Лоры мое сердце превратилось в глыбу льда. Несколько долгих месяцев я не могла даже слова произнести, не то что встать или рассмеяться. А теперь на моем лице плавает легкая улыбка. Возможно, я привыкну, буду жить дальше.

Я хочу верить в лучшее, потому что прыгать с крыши не собираюсь. Выходит, мне остается или взять себя в руки и послать к черту всю боль, что наполнила мое сердце, или согнуться под ее тяжестью и провести оставшуюся жизнь в скитаниях по тем воспоминаниям, которые мелькают в голове.

Что я выберу? Или, точнее, на что у меня хватит сил?

Астерия — небольшой городок. Уверена, почти все уже знают о моем переезде. Мне даже мерещится, что за мной кто-то следит, идет буквально по пятам! Я постоянно оборачиваюсь, но натываюсь не на скрывающегося в кустах незнакомца, а на удивленные лица, местные жители открыто и нагло провожают меня настороженными взглядами. Так и хочется вернуться домой и вытрясти правду из тети Мэри. С чего вдруг такое отношение к нашей семье? Ладно-ладно, возможно, тетя Норин десять минут назад и предложила мне засохшую траву, которая каким-то волшебным образом должна помочь мне. Ну

и что? Соседи ведь смотрят на меня не как на чудачку, я вдруг думаю, что они меня боятся. Но с какой стати? Это очень странно.

Я плутаю по улицам, понятия не имея, куда мне идти. Господи, что же такое! Я даже не подумала, что в таком крошечном городке можно потеряться. Школа должна находиться в центре, а все дороги вести к центру. Разве не так?

— Я идиотка, — констатирую я, застыв перед очередным ту-пиком, и запускаю пальцы в волосы. Мне бы путь спросить, но, едва я оборачиваюсь, люди начинают идти быстрее. Мамочки подталкивают своих детей вперед, мужчины закрывают в машинах окна. Вот это меня не просто удивляет, а раздражает. Что они творят? — Дьявол!

— На твоём месте я не выражался бы таким образом, — неуверенно и, как по мне, так ещё и заторможено, произносит кто-то, и я резко оборачиваюсь.

У стены стоит невысокий парень. На вид ему столько же, сколько и мне, а ещё у него прямоугольные очки, древние кроссовки и зачесанные набок — ох, реально ведь! — волосы. Я прыскаю со смеху и переспрашиваю:

— Что?

— Я про дьявола.

— А что с ним?

— Когда подобные фразы слетают с языка представителей семьи Монфор, на улицах становится пусто и одиноко. Если ты не хочешь нарваться на неприятности...

— На какие ещё неприятности? Ты кто вообще такой?

— Я Хэрри. Или, если точнее, Хэйдан Эбнер Нортон, — парень неожиданно подскочил ко мне. Рукопожатие у него что надо. Чуть не взыв от боли, я возмущенно отстраняюсь. — Приятно познакомиться.

— Ага! Не то слово. — Я вновь гляжу на незнакомца. Ох, ну и видок у него! Приходится быть милой, хотя обычно с добротой у меня проблемы, но я решаю пересилить себя и даже улыбаясь, что мне отнюдь не свойственно. — Мне пора, я в школу опаздываю, прости. До встречи!

Которой не будет.

Злорадствую и поворачиваюсь к парню спиной, однако уже через несколько секунд он оказывается справа от меня и причмокивает, издеваясь над жвачкой. Вот же черт! Разве можно быть таким навязчивым?

— Я не понравился тебе, ну я никому не нравлюсь, — гордо заявляет он, и я внимательно смотрю на него. Странный парень. — Но я могу проводить тебя до школы.

— С чего ты взял, что меня нужно провожать?

— Да ты плутаешь уже минут двадцать.

— Я не... Эй! — Я притормаживаю перед пешеходным переходом. Грудь наливается кипятком. — Откуда ты знаешь? Ты за мной шел?

Парень покачивает головой, взвешивая варианты, а затем признается:

— Да.

— Да? Ого, какая честность.

— Ты все равно узнала бы правду.

— И каким же образом?

— Ну как же! Все эти вуду-штучки семьи Монфор. — Хэрри, или как его там, усмехается и подталкивает меня вперед, когда загорается зеленый. Вот же наглец! — У нас с тобой на самом деле много общего.

— Да неужели!

— Ну, я так думаю. Ты *наткнулась* на тупик, а я в *тупике* уже последние шесть лет.

— Почему именно шесть?

— Потому что ровно столько я учусь в старшей школе.

— И чем плоха старшая школа в Астерии?

— Любая школа плоха, когда у тебя нет друзей, — парень громко чавкает жвачкой и пожимает плечами.

— Знаешь, трудно найти друзей, когда ты преследуешь людей на улицах. Не думаю, что кому-то это нравится. Кажется, в законе даже статья есть по этому поводу.

Мы подходим к невзрачному четырехэтажному зданию. Хэрри или Хэйдан — *ну и имечко* — упирается взглядом в асфальт и засовывает руки в карманы джинсов. А я с интересом изучаю темно-желтое здание, заполненную стоянку и плакаты, нарисованные

чьей-то кривой рукой. Да уж! Выглядит все так, словно здесь держат под замком сотни детей.

— Что ж, Хэрри, — я перевожу взгляд на парня и задумчиво прикусываю губу. У незнакомца красивые глаза. Жаль, что он скрывает их под нелепой оправой очков. — Ты расскажешь мне, зачем ты меня преследовал?

Хэрри поправляет рюкзак и отклоняется, когда какой-то футболист проходит мимо. Я неожиданно понимаю, что ему здесь серьезно попадает. Мои руки вспыхивают.

Парень робко улыбается, косится в сторону спортсменов, проверяя, ушли ли они, и говорит:

— Я живу рядом, поэтому и шел за тобой. Думал, ты заблудилась.

— Так ты пытался мне помочь? — Я улыбаюсь: — Мило. — Впрочем, это совсем не мило, но мне вдруг хочется поддержать этого странного парня в огромных очках. Я тут еще никого не знаю, вот и будет друг. От своих же мыслей мне хочется смеяться. — Может, мы с тобой на обеде встретимся? Расскажешь, что здесь и как, а?

— Ну... я... — Хэрри смотрит в сторону, а затем переводит на меня растерянный взгляд: — Что?

— Давай вместе пообедаем. Тут же есть столовая или кафетерий.

— Ты серьезно?

— Да, вполне.

— Звучит здорово. Классное предложение, да, — парень улыбается. И улыбка у него красивая, мне приходит в голову, что парню стоит сменить имидж, тогда и друзей у него прибавится.

— Меня зовут Ариадна.

— Хэрри.

— Я помню.

Парень хлопает себя по лбу и медленно отходит в сторону.

— Увидимся, верно?

— Ага, — я киваю и закатываю глаза. — Пока!

Мы расходимся, а я почему-то смеюсь. Уже второй раз за день! Или третий? Может, тетя Норин была права и эта — как ее там — люцерна действительно приносит удачу?

Школа Астерии небольшая и непримечательная. Главный административный корпус построен из темно-желтого камня. Остальные здания — из темно-красного кирпича, и только вывеска говорит о том, что здесь учатся дети, а не отсиживают свой срок преступники.

Площадь перед главным входом забита подростками. Многие из них глядят на меня, а если точнее, то смотрят на меня *почти все*. Но я слишком увлечена своими мыслями и потому не реагирую. Могут пялиться весь день — мне все равно.

Внутри так светло, что я прищуриваюсь. Повсюду люминесцентные лампы, на окнах — ни жалюзи, ни занавесок. Все открыто и гласно. Уверена, что каждое сказанное мною слово станет достоянием публики. Это отвратная перспектива, я ужасно люблю ругаться и поливать грязью тех, кто поливает грязью меня.

Девушки улыбаются и отворачиваются, когда я прохожу мимо, *очень тактично с их стороны*, чего не скажешь о парнях, которые смотрят на меня почти плотоядно, будто собираются накинуться на меня. Да уж, просто изголодавшиеся животные. Несколько высоких незнакомцев в бело-синей спортивной форме проходят мимо. Они специально задевают меня плечами, а потом, обернувшись, хохочут, словно отпустили классную шутку. Это у них такой способ снять подружку? Класс! Я одергиваю футболку и пытаюсь найти расписание. Понятия не имею, куда идти. Прикасаюсь пальцами к засохшей люцерне тети Норин, которая торчит из моей сумки. А вдруг поможет?

Как это работает? Я продолжаю идти, но теперь сжимаю перевязанный пучок вкусно пахнущей травы. Наверняка надо попросить. Ну что ж: *«Дорогая люцерна, я Ариадна Блэк, и я очень хочу найти кабинет администрации. Мне осточертело ходить по этим похожим коридорам. Смотреть на эти лица и мечтать о том, как я подрываю школу к чертовой матери. Пожалуйста, направь меня!»*

Приподнимаю подбородок. Не работает. Нужно просить лучше? Хорошо: *«Я обещаю, что постараюсь посетить почти все уроки»*. Вновь смотрю по сторонам. *«Ну и, возможно,*

я даже улыбнусь кому-то». Черт возьми! Ничего не получается. Я встаю возле стены с каким-то ярким плакатом и недовольно хмурю брови.

Оглядываюсь, но вижу лишь незнакомые лица. Прикрываю глаза и ощущаю, как в груди громко стучит сердце. Хочу выглядеть сильной, хочу казаться равнодушной и уверенной. Но на самом деле мне страшно. Меня никогда не заносило так далеко от дома, я никогда не была одна. Здесь все не то, перекошенные лица, настороженные взгляды.

— Мисс Блэк?

Открываю глаза. Передо мной седовласый мужчина с горбатым носом и со смешными усами. На нем простой черный костюм, на рубашке поблескивают серебристые запонки. Лицо у него доброе, морщинистое — наверное, часто улыбается.

— Ариадна Блэк? — переспрашивает он.

— Да, это я.

— Отлично! Я директор Барнетт. Почему вы тут стоите? Я ждал вас в кабинете!

— Если честно, я потерялась.

— Seriously?

— Ну, у вас тут настоящий лабиринт.

— Что ж, моя дорогая, тогда я вас проведу. Пойдемте. Кстати, — директор улыбается и подходит ко мне так близко, что я чувствую запах его дурацкого одеколona, — вам знакомо словосочетание «нить Ариадны»? Вашей тезки.

Я с интересом смотрю на него, а он улыбается еще шире:

— В древнегреческой мифологии именно Ариадна помогла Тесею, сыну Эгея, найти выход из лабиринта! И наши запутанные коридоры не должны приносить вам неудобств. — Мы шагаем вдоль кабинетов, мистер Барнетт вежливо молчит и ждет моего ответа, но я не знаю, что сказать. Пожимаю плечами и предполагаю:

— Возможно, я растерялась.

— Будет вам! По какой причине? Хотя, — говорит мужчина, открывая дверь в свой кабинет, и пропускает меня вперед, — не отвечайте. Я догадываюсь, в чем проблема.

— Правда?

Мистер Барнетт кивает, приподняв уголки губ, а затем усаживается за огромный деревянный стол, заваленный документами, папками и прочей дребеденью. Солнце лениво освещает его пожилое лицо, но я почему-то думаю, что этому мужчине нет и пятидесяти. Слишком молод его голос, и огонек блестит в глазах.

— Мы в Астерии судим людей по их родословной, — ворчливо комментирует он. — У вас она довольно интересная, вы понимаете, о чем я. Совсем неудивительно, что здесь вам не доверяют, мисс Блэк. Издержки Средневековья. Недостатки воспитания.

— Южное гостеприимство, — добавляю я, фальшиво улыбаясь.

— И то верно, мисс Блэк! Но хочу, чтобы вы помнили: когда вы пересекли порог моей школы, вы начали новую жизнь. И да, меня не волнует это, — он кивает на толстую папку, лежащую на его столе: наверное, мое личное дело, — и это, — теперь он указывает на какой-то лист с круглой ярко-синей печатью. — Ваше прошлое осталось позади. Я забуду о нем, и вам советую. А люди... Переубедите их!

— В смысле?

— Они считают вас такой же странной, как и ваши тетушки. Норин и...

— ...Мэри-Линетт.

— Верно! — он щелкает пальцами и указывает на меня. — Вылетело из головы.

— Не понимаю, чем моя родословная вам так приглянулась. О чем шепчутся люди?

Директор откашливается и поудобнее устраивается в кресле:

— Узнаете, моя дорогая. Вам придется узнать.

— Вы меня заинтриговали.

— Хорошо, что не испугал! Двери моего кабинета всегда открыты. Если будут какие-то проблемы, обращайтесь. И постарайтесь привыкнуть к тому, что в Астерии на вас накинута, как на свежее мясо. У нас редко появляются новенькие.

— Я заметила, — усмехаюсь и пожимаю плечами. — Мне можно идти?

— Да. Возьмите расписание у секретаря.

— Хорошо.

— Мисс Блэк, — слышу я уже на пороге, оборачиваюсь и замечаю, что мужчина нервно дергает уголками губ, — постарайтесь не попадать в неприятности, пусть я и понимаю, что неприятности определенно попытаются свалиться на вашу прекрасную голову.

Он улыбается, но что-то мне подсказывает, что он тоже верит во все байки, рассказанные про моих тетюшек. Интересно! Сегодня же устрою дома допрос с пристрастием.

— Конечно, — я улыбаюсь и киваю. — Буду стараться изо всех сил.

Выхожу из кабинета с выпрямленной спиной. Если люди хотят видеть во мне девушку с темными тайнами, опасными родственниками и черным прошлым — хорошо.

Так даже веселее.

Смотрю на листок с расписанием и морщусь: *черт возьми!* Тетя Норин сошла с ума? Господи, вот это предметы! Химия? Биология? Астрономия?

— Проклятье! — вырывается у меня. Литература два раза в неделю, зато почти каждый день биология. Это что, карма? Да, я помню, что клятвенно пообещала люцерне ходить на уроки, но не на такие же.

Я иду по широкому коридору. Подростки не перестают разглядывать меня, а я надеюсь быстро отыскать нужный класс. Меня безумно раздражает перспектива находиться под пристальным вниманием всех и каждого, но против клише не попрешь. Таков банальный стереотип: *если ты новенький, выкуси по полной программе*. А кто я такая, чтобы эти стереотипы разрушать?

Спрашиваю у какой-то бледной девушки, где кабинет биологии, и она как-то робко показывает вперед. Ну и реакция у людей на меня, сразу и не привыкнешь.

Я хмыкаю, иду дальше и наконец нахожу нужный класс. Захожу и передаю учителю формуляр.

— Мисс Блэк? Добро пожаловать! — его голос звучит вовсе не доброжелательно.

Он пишет что-то в моей бумажке, а я тайком наблюдаю за классом. Кто-то робко перешептывается, некоторые внаглуу изучают меня, как экспонат в музее. Парни на задних партах толкают друг друга и ржут, я громко вздыхаю.

Парты в классе необычные, стулья низкие, почти никто на них не сидит. В основном ребята, видимо, работают стоя.

— Вот, возьмите, — учитель, неприятный и лысый тип, протягивает мне формуляр, на его лице мелькает подобие улыбки, — садитесь. Звонок уже прозвенел.

«Садитесь». Звучит как «сломайте шею, пока ищете свободное место». Или, может, это какая-то особая шутка? Никто не сидит, а вы, мол, садитесь. В лужу.

Еще раз оглядываю класс, нервно переминаюсь с ноги на ногу и понимаю, что лишь один человек в кабинете на меня не смотрит, а стоит у стола и конспектирует что-то в своей тетради. *Парень*. Ну, естественно. Еще бы свободное место нашлось рядом с какой-то милой девчонкой. Планета перевернулась бы и разлетелась на части. С виду парень нормальный: ни татуировок, ни сальных волос. Стоять без движения больше нельзя, и, так как никаких вариантов в голову больше не приходит, я останавливаюсь рядом с высоким незнакомцем и скидываю с плеча сумку.

Парень медленно поднимает на меня взгляд, а я через силу цежу:

— Привет.

Он несколько секунд меня осматривает, а потом отворачивается и продолжает что-то записывать в толстой тетради. Ага, неразговорчивый — то что нужно.

— Сегодня второй и завершающий этап лабораторной, — лениво объявляет учитель. У него лысина так блестит и сверкает, будто бы он целое утро натирал ее воском. — Никто не уйдет, пока не сдаст работу. Вас это тоже касается, мисс Монфор.

— Вообще-то Блэк, — поправляю я, выдавив жуткую ухмылку.

— Кстати, поприветствуйте нашу новую ученицу. — По кабинету проносится какофония звуков, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не закрыть руками лицо: какой кошмар. — А теперь приступайте. Живее!

Отлично. Первый урок, а уже возненавидела биологию. Отворачиваюсь от учителя и перевожу взгляд на парня. Наверное, ему не очень-то хочется работать со мной.

Парень высокий, выше меня на голову уж точно. У него черные волосы, на подбородке широкий кривой шрам. Любит подраться? А так и не скажешь.

— Фанатка «Рамоунз»?

Облокотившись о высоченную парту, я удивленно вскидываю брови:

— В смысле?

— Твоя футболка, — парень отрывает взгляд от тетради и указывает на надпись.

Не думала, что он заметил, и растерянно встряхиваю волосами:

— Ну да.

— Круто. — Он возвращается к работе и практически ложится на стол, записывая на полях какие-то вычисления. Я придвигаюсь ближе.

— Чем вы тут занимаетесь? Это биология, а не ядерная физика.

— Не любишь биологию?

— Это вопрос или утверждение?

— Значит, не любишь.

— Нет, — качаю я головой, — терпеть ее не могу.

— Тогда тебе не повезло.

— Почему?

— Она почти каждый день.

Смеюсь и усаживаюсь на маленький табурет, который здесь явно в насмешку называют стулом. Теперь я почти скрыта от глаз лысого учителя, и мне становится немного легче.

— Какая тема лабораторной?

— «Плазмолиз и деплазмолиз в клетках эпидермиса лука».

Хлопаю ресницами и смотрю на парня так, словно он свихнулся. Неужели он только что взял и выговорил это вслух? Да, я нашла отличного напарника. Может, он и написать даст? В конце концов, он первый, кто не сказал ни слова о моей семье.

— Послушай, работу надо сдать сегодня. Но я...

— Бери, — незнакомец кивает на записи и приближается к микроскопу. — Естественно, ты не успеешь. Я в курсе. — Он меняет стеклышки, крутит что-то на штативе, а я гляжу на него заторможенно. Добрых людей не бывает. Или он идиот, или задумал что-то. — Быстрее только, я собираюсь сдать работу и уйти раньше.

— Хорошо, спасибо, — я встаю со стула и достаю из сумки единственную тетрадь, которую взяла для всех предметов. Открываю на первой странице, черчу таблицу, в точности такую же, как у парня, и кидаю на него косой взгляд. Он копошится с микроскопом. Странный. Вроде симпатичный, а любит учиться. Такое бывает? — Как тебя зовут? — неожиданно для самой себя спрашиваю я. Ну, кажется, я свихнулась, раз решила первой пойти на контакт.

Незнакомец глаз от прибора не отнимает и спокойно отвечает:

— Мэтт. — А имя посредственное. Я ожидала услышать нечто громкое, вроде *Дамиан*, *Кристофер* или *Джером*. — А ты — Ариадна. — Он все-таки отрывает взгляд от микроскопа и смотрит на меня. Глаза у него темно-синие — только сейчас заметила. — Верно?

— Ари, — списывая, соглашаюсь я. Делаю я это быстро: у меня долгие годы практики.

— Как тебе Астерия?

— Интересный городок.

— «Рамоунз» тут не слушают, если что, — сообщает он.

— И почему?

— Ты видела церковь у въезда? А на центральной площади? У школы?

— Ого, так здесь все верующие. — Я смотрю на парня скептически: — Религиозная дыра?

— Что-то вроде того, — соглашается Мэтт и удаляет фильтровальной бумагой раствор поваренной соли с предметного стекла. — Ты все? Я хочу сдать работу.

— Еще пара секунд.

Облизываю губы и наклоняюсь над записями, словно собираюсь окунуться в них с головой. Волосы падают на тетрадь, я откидываю их, но они опять падают.

— На следующий урок нужно принести гербарные экземпляры растений одного сорта, — предупреждает меня парень, забрасывая вещи в черный рюкзак. — Если не хочешь больше списывать, подготовься.

— А если хочу? — Я ставлю точку, с довольным видом захопываю тетрадь и передаю ее Мэтту. Он вскидывает брови, а я невинно пожимаю плечами: — Я не люблю биологию.

— А я не люблю, когда у меня списывают, так что пересиль себя, Ари. — Он забирает записи и коротко кивает: — Еще увидимся.

Я машу ему рукой. Кажется, мне действительно придется собирать этот чертов гербарий. Проклятье!

Глава 3

ТАЙНЫ МОНФОР-А'МОРИ

Я с легкостью нахожу столовую. Следую за потоком подростков, сливаюсь с ними и становлюсь частью *неминуемого взросления*. Ученики так рьяно врываются в кафетерий, что сбивают друг друга с ног. Они хаотично разбредаются, а я останавливаюсь в проходе и осматриваюсь: так, и что дальше?

Понятия не имею, куда идти. Свободных столиков нет. Придется подсесть к кому-то, но в таком случае я лучше сразу на лбу себе выжгу: *идиотка* или *неудачница* — на выбор.

Я осматриваюсь, поправляю ремень сумки и неожиданно замечаю Хэрри, сидящего за круглым столиком в глубине столовой. Отлично. Вот и спасение. Парень машет мне рукой и кивает раз, наверное, десять, и я иду к нему, едва заметно усмехнувшись. Странный. Он очень-очень странный. Нужно сказать ему, чтобы он перестал зачесывать набок волосы.

— Привет еще раз, — говорю я, садясь напротив. Парень смущенно поправляет очки и кивает — в одиннадцатый раз. — Думала, ты не придешь.

— И я так думал. В смысле думал, что не придешь ты, а не я.

— Отлично. Вот мы оба здесь.

— Да. Ну... — Хэрри чешет шею, — как тебе первый день? Уже завела друзей?

— Интересный вопрос, Хэйдан. Дай подсчитаю! — Я задумчиво загибаю пальцы, гляжу куда-то в потолок и киваю: — У меня появился один друг.

— Один?

— Один.

— И кто он?

— Ты, конечно, я ведь с тобой сижу.

— Я твой друг? Офигеть! — Хэрри широко улыбается и двигает очки на переносице.

— Тебя это так удивляет? — Если честно, меня это тоже удивляет, ведь Хэйдан следил за мной, а потом начал тараторить про какую-то вуду-магию. — Ты милый парень.

— Я милый парень, — довольно повторяет он и хвастливо говорит какой-то девчонке, проходящей мимо: — Она сказала, что я милый, ясно?

О господи! Я смеюсь и достаю из сумки еду, которую мне дала тетя Норин. Есть хочется так жутко, что я раскрываю пакет дрожжами пальцами.

— Зачем ты шел за мной? — жуя сэндвич, интересуюсь я. Хэрри перестает улыбаться и придвигается ко мне почти вплотную, облокотившись на стол. — Что?

— Ты не знаешь?

— Чего не знаю?

— На тебя все смотрят.

— Я новенькая.

— Но дело не в этом, Ариадна. — Хэйдан морщит густые брови, торчащие из-под очков, и я недовольно вздыхаю. — У тебя семья...

— ...очень странная, — заканчиваю я, встряхнув волосами. — В чем проблема?

— В смысле?

— Что не так с моими родственниками? Я здесь всего сутки, но уже ощутила весь шквал южного гостеприимства. Или вы спятили, или я сошла с ума. Одно из двух.

— Удивительно, — поражается парень и откидывается на спинку стула, вид у него недоуменный, — как ты не можешь знать о том, о чем знают все?

— И о чем все знают?

— О том, что с семьей Монфор связываться опасно.

— Опасно? — смеясь, повторяю я и опускаю голову. Волосы каскадом падают на стол. — Ну да, тети Норин и Мэри-Линетт действительно ночные головорезы. Как ты узнал?

— Тебе смешно? — спрашивает он, подперев ладонями подбородок, а я киваю. Мы так и буравим друг друга взглядами, пока Хэрри не усмехается: — Только подумать, город на ушах стоит, а ты смеешься.

— Ты тоже смеешься.

— Это нервное, а я, знаешь ли, часто нервничаю. У меня даже язва развилась, теперь я ем только невкусную еду. В смысле, полезную.

Я вновь смеюсь, оглядываюсь и внезапно примерзаю к месту. Руки заледенели, легкие сводит судорогой. Пытаюсь шевельнуться, но не могу. Смотрю на гигантские окна, которые, будто стены, оголаживают кафетерий, и не дышу. За прозрачной стеной стоят дети. Среди них маленькая девчонка лет восьми или девяти с угольными волосами. Я ощущаю слезы. Они застревают в глазах, словно щепки. Время замирает, есть эта девочка, ее искренняя улыбка, тонкие ручки и смешной сарафан. Лора любила такие вещи.

Я любила Лору.

Призрак моей сестры так и стоит перед глазами: смеющийся и *живой*. Вот она идет в желтом сарафане, держит меня за руку, хохочет. Просит покатасть ее на спине, купить шоколадное мороженое с миндальной стружкой. И я покупаю, потому что, как сильно я ни пыталась бы выглядеть взрослой надменной сестрой, я обожаю этого маленького монстра, который изо всех сил сжимает мои пальцы. *Вот же она — здесь*, за стеклом, в двух или трех шагах от меня. Я приподнимаюсь, судорожно замираю, а детей уже нет. Лоры уже нет.

Сердце неистово гроыхает в груди. Этот стук заполняет кафетерий, забивает все звуки, которые могли бы вернуть меня к реальности. Я гляжу на стеклянную стену, в окно и мечтаю опять увидеть эту девочку, опять увидеть Лору.

— Эй, ты чего? Эй!

Резко оборачиваюсь. Хэрри уже не сидит напротив, а стоит рядом и тербит меня за плечо. Я растерянно хлопаю ресницами.

— Все в порядке, Ари? Ты, кажется, отключилась.

— Я... я просто... — Оглядываюсь и вижу, что все в столовой смотрят на меня и молчат. Вот почему не слышно звуков — их нет. — Мне пора идти.

Я резко срываюсь с места и закидываю в сумку еду.

— Пойти с тобой? — взволнованно спрашивает Хэйдан. Он нервно поправляет очки, а я встряхиваю волосами, отрицательно качая головой. — Точно?

— Все нормально.

— Но, Ари...

— Еще увидимся.

Я срываюсь с места и несусь к выходу, вдруг замечаю взгляд Мэтта. Он, как и все, глядит на меня растерянно. Вот и подтвердились опасения горожан: я чокнутая.

Выбегаю из школы и решительно иду в неизвестном направлении. Руки до сих пор трясутся, и мне кажется, я действительно видела Лору, чего быть не может. Вероятно, я сошла с ума. Люди говорят, какая моя семья странная. Может, так и есть?

Я перебегаю дорогу, оглядываюсь и вижу черную крышу школы, которая через какое-то время становится лишь смазанным пятном, но даже сейчас я ощущаю презрительные и недоуменные взгляды толпы. Подростки глазели на меня. Глазели и молчали.

Я залетаю, словно торнадо, в магазин. Достаю из кармана пять монет, хватаю с прилавка воду и подбегаю к кассе, меня быстро обслуживают. Тут же открываю бутылку и пью как одержимая. Горло саднит и першит. Я чувствую себя слетевшей с катушек. Выхожу из магазина и выдыхаю. Я должна взять себя в руки. Ничего ведь не произошло.

— Да, — киваю самой себе и вновь отпиваю воду. — Все в порядке, все отлично.

Прячу бутылку в сумку и ерошу волосы. Они отдают бронзой на солнце. Мне никогда не нравился рыжий цвет, а мама их любила. Говорила, у бабушки были такие же.

На самом деле о родных мне известно мало. Честер Монфор — мой дед — умер почти четырнадцать лет назад. Силест Монфор — три года назад. В живых со стороны мамы не осталось никого, кроме Норин и Мэри-Линетт.

О папе я знаю больше. Его родители живут на западном побережье — Кларисса и Сэм Блэк. У них трехэтажный домик, большой катер и огромный бежевый лабрадор. Ну и не стану лгать: катер они любят больше, чем меня, мою маму и всю нашу семей-

ку, потому виделись мы с ними всего два раза за всю мою жизнь: на Рождество одиннадцать лет назад и на первый день рождения Лоры. Как-то я спросила у отца, в чем дело. Он ответил, что его родители — своеобразные, упрямые люди, ему пришлось нелегко, когда он сбежал от них в Астерию. Собственно, поэтому органы опеки и приняли решение отправить меня к тетушкам на восток, а не в Риверсайд — райскую Калифорнию.

Сейчас я жалею, что задавала мало вопросов. Как узнать правду, если не у кого спрашивать? Нужно провести собственное расследование.

Я усмехаюсь и качаю головой. Бреду вдоль единственной знакомой мне дороги, по которой я шла утром с Хэрри, и неожиданно замечаю на перекрестке столпившихся людей. Они мнутя около машины. Не сразу понимаю, в чем дело, пока не вижу смятый велосипед под ее колесами.

— О нет, — вырывается у меня. Авария. Люди в панике, а меня пробирает дрожь.

Неожиданно рядом со мной появляется незнакомка. Огромными, налитыми ужасом глазами она смотрит на место аварии и не двигается. Она жутко бледна, наверное, под колеса попал ее знакомый. Сначала я хочу пройти мимо, но потом невольно застываю:

— Вы как? Вам нужна помощь?

Незнакомка молчит. Ее стертые в кровь руки трясутся и кажутся совсем тонкими.

— Врачей вызвали? — вновь спрашиваю я. В курсе ведь, что ей не до разговоров, но почему-то не могу заткнуться. — Велосипедист сильно пострадал?

— Сильно, — наконец отвечает она.

Я приглаживаю ладонью волосы и подбегаю к толпе. Нужно вызвать «Скорую»! Почему никто не вызвал «Скорую»? Злость вспыхивает во мне — на кону каждая секунда, а все лишь болтают!

— Вызвали «Скорую»? — спрашиваю я у пунцовой от жары женщины. — Вызвали?

— Я не...

— Что? Эй! — я хватаю под руку какого-то низкорослого мужчину и с силой тяну на себя. У него порез над бровью. Кажется,

именно он сбил велосипедиста. — Что вы сделали? — Мои глаза округляются и наливаются непонятной мне обидой.

— Я не хотел, я не видел...

— Кого не видели?

— Ее! — восклицает он и закрывает волосатыми руками лицо. Его шатает из стороны в сторону. — Она неожиданно вывернула из-за угла.

Я рассматриваю кровавое пятно на сером асфальте, заломленную руку, синеватые ниточки вен, которые тянутся по локтю к плечам и шее, безжалостно стертой асфальтом.

А потом вижу бледное лицо с огромными распахнутыми глазами.

Мне нечем дышать.

— О господи, — шепчу я, прижав ладони ко рту, — не может быть.

Качаю головой, вновь смотрю на девушку, а потом отскакиваю назад, будто бы меня пихнули в грудь. Оборачиваюсь. Мир кружится, смазывая картинку вокруг. Я вспоминаю, как несколько минут назад разговаривала с этой девушкой, и никак не могу соединить две составляющие в одну линию: как же я могла с ней говорить, если она лежит под колесами машины? Спину обдает холод. В панике я оглядываюсь, но ничего не понимаю.

— Невероятно!

Резко срываюсь с места. Я должна уйти. Уйти отсюда!

Какая-то женщина говорит за моей спиной: «Это же Монфор!» Поднимается гул. Меня провожают настороженными взглядами, а я бегу со всех ног, не обращая ни на кого внимания. Наплевать! Наплевать! Что это было? Я сошла с ума?

— Нет, это какая-то бессмыслица!

Я не могла видеть эту девушку, не могла говорить с ней. Наверное, у меня жар. Или переутомление. Я не спала почти всю ночь и толком не ела. Это галлюцинации, как и те, что были у меня после аварии, когда я почти каждый день видела маму.

Смахиваю с лица испарину, я наконец у коттеджа Монфор-л'Амори. Не помню, как врываюсь внутрь, как взбегаю по лестнице. Влетев в комнату, я закрываю спиной дверь с такой силой, что она болезненно взвизгивает.

Итак. Я глубоко втягиваю воздух и закрываю глаза. Нужно взять себя в руки. Плечи медленно опускаются, пальцы перестают дрожать. Спокойно отхожу от двери и сажусь на край кровати. В жизни все просто, странностей мало. Мы сами делаем скоропалительные выводы, а потом верим в то, чего нет. Сейчас я должна взять под контроль эмоции, прекратить глупую панику и понять, что со мной произошло.

Я столкнулась с девушкой и говорила с ней. А потом увидела ее же под колесами машины. Не хочется нагнетать обстановку, серьезно, уж поверьте мне, но девушка действительно точная копия той незнакомки, что стояла со мной рядом. Сколько тут вариантов? Один: у пострадавшей есть сестра-близнец. Вот и все — дело раскрыто!

Однако та самая часть меня, из-за которой обычно и возникают все проблемы, воеет от ужаса, забившись в дальний угол, и говорит: тут что-то нечисто.

В жизни странностей не происходит, а если происходит — поезжайте в клинику. Но стоит ли *мне* собирать вещи? Мне показалось, что я увидела... Кого? Привидение?

— О боже, — вырывается у меня, и неожиданно для самой себя я смеюсь, — ты спятила, Ари.

Я стягиваю с ног кроссовки и валюсь на кровать. Интересный способ у моих дефектных мозгов абстрагироваться от травмы, полученной после аварии.

Издав недовольный стон, я поднимаюсь на ноги. Плечусь в ванную комнату и сижу там час, если не больше. Вода в ванной давно остыла, волосы липнут к спине. Ноги я поджимаю к груди. Не двигаясь, я просто смотрю в одну точку на белом кафеле и думаю: «А что, если я действительно сошла с ума?»

Я опускаюсь на самое дно, крепко зажмурив глаза. Если первый день в этом городке был таким ярким и запоминающимся, что будет завтра? Черт, мне даже подумать страшно.

Выныриваю и слышу, как кто-то стучит в дверь.

— Ари? Все в порядке?

— Да, — отзываюсь я, — что-то случилось?

— Спускайся к ужину. — Кажется, это тетя Норин. — Еда остывает.

К ужину? В смятении застываю. Который час? Сколько я просидела в ванной?

— Хорошо. Сейчас выйду.

Тетя уходит. Прекрасно! Со мной явно что-то происходит, и это начинает меня раздражать.

Я спускаюсь, вытирая волосы полотенцем. Тетя Мэри сидит за столом, а Норин крутится у плиты. На ней опять этот дурацкий фартук.

— Мы уже подумали, ты утонула, — язвит Мэри-Линетт, откусывая яблоко.

Сажусь на стул и поджимаю под себя ноги. Норин раскладывает приборы.

— Тебе помочь?

— Нет, уже готово. — Тетушка чуть раздвигает губы, и я улыбаюсь — рада видеть улыбку на лице тети Норин, ведь она так редко там бывает. — У тебя все хорошо?

— Ага.

— Точно?

— Да, вполне.

— Как дела в школе? — Мэри-Линетт хитро прищуривается. — Только не ври, мы тоже в школе учились и помним, какое это паршивое место.

Задумываюсь, сказать правду или солгать. Признаться, что видела нечто странное или промолчать? Норин и Мэри-Линетт теперь самые близкие люди, но я не доверяю им.

— День был *необычным*, — медленно начинаю я, краем глаза наблюдая, как тетя Норин садится рядом с Мэри-Линетт и раскладывает на коленях салфетку. — Я вступала в разговор раз восемь. Из них шесть — с учителями.

Тетушки молчат, невинно изучая меня похожими взглядами. Притворяются? Что ж, ладно. Я набираю в грудь побольше воздуха и продолжаю:

— Ребята не обрадовались, когда к ним в школу пришла девушка из семьи Монфор.

— И почему же? — спрашивает тетя Норин, накалывая на вилку макаронину.

— Это вы мне объясните.

— Просто ты новенькая, вот и все. Со всеми так бывает.

— *Новенькая*, — эхом повторяю я, не сводя глаз с тетушек. — Серьезно?

Они спокойно едят, звеня приборами о тарелки, а я протяжно вздыхаю, поникая. У них явно отсутствует актерский талант, лгать они абсолютно не умеют.

— Мама рассказывала мне истории про вашу бабушку *Рамону Монфор* и ее «умение предсказывать погоду». Чушь ведь, правда? Но, видимо, люди в Астерии реально во все это верят! И верят серьезно, потому что целый день на меня смотрели так, будто я как минимум вестник апокалипсиса.

— Вестник апокалипсиса, — усмехается тетя Мэри и отпивает красного вина, — тебе не кажется, что ты преувеличиваешь? С чего бы им так о тебе думать.

— Это я и хочу узнать. Почему люди в Астерии так относятся к нашей семье?

— Как относятся? — интересуется тетя Норин, чем ужасно выводит меня из себя. Черт возьми! Мне приходится сжать пальцы, чтобы не треснуть кулаками хорошенько по столу.

— Вы понимаете, о чем я.

— Люди много говорят, Ари. Но кто сказал, что им стоит верить? Это давнее дело, и к нам оно никакого отношения не имеет.

— Что за дело?

— Ну ты и сама догадываешься, — отвечает тетя Мэри. — Рамону считали... считали ведьмой.

— *Ведьмой*, — пробуя слово на вкус, повторяю я и чувствую, как ужас подпрыгивает к горлу.

— Но это, конечно же, слухи, — замечает она.

— Хороши слухи, раз ходят по Астерии уже десятки лет.

— Ну а о чем еще разглагольствовать помешанным фанатикам? — Мэри сводит брови, и тетя Норин легонько толкает ее в бок. И Мэри-Линетт поспешно добавляет: — Я это к тому, что люди в Астерии верующие, а именно такие чаще других обсуждают нечисть и прочую несуразицу, связанную с дьяволом и чертовщиной.

— Но вы в эти рассказы не верите, правильно?

— Рассказы, — подхватывает тетя Норин, кивая, — ты подобрала верное слово, Ариадна.

— Выходит, жители Астерии считали Рамону провидицей?

— Они считали ее ненормальной, издевались и подшучивали за спиной, пока однажды не сбылось то, что она *предвидела*, — Мэри показывает в воздухе кавычки. — Кажется, она сказала, что скоро умрет дочь пастыря.

— Да-да, — кивает Норин.

— Ну так она и умерла. Утонула.

— Выходит, Рамона все-таки не обманывала? — не успокаиваюсь я. — Она видела будущее?

— Я тебя умоляю, Ари! Это простое совпадение, а люди повелись. Бабушка наша была своеобразной женщиной.

— Сумасшедшей, — поправляет Мэри и кривит губы в усмешке. — Серьезно, она выдумывала такой бред, что поверить ей могли только дураки. Но люди верили.

— Потому что люди такие и есть — *глупые*, — добавляет Норин и поправляет салфетку. В ее глазах проносится грусть. — Не стоит обращать внимания. Люди никогда и ни на секунду не замолкают. Говорят вечно, не думая, что и зачем.

— Сейчас им хочется обсудить новенькую, которая вдобавок из семьи Монфор! Вот же повезло! — возмущается Мэри-Линетт. — Ну и пусть говорят. Наплюй!

— Не понимаю, — недоуменно хлопаю я ресницами, — прошло столько времени. С чего они на нас взъелись? Рамона Монфор жила здесь пятьдесят лет назад!

Тетя Норин отворачивается, а Мэри-Линетт, наоборот, наклоняется ко мне:

— Да просто этот городок настолько скучный, что за полвека здесь ничего больше не случилось. — Она накрывает мои пальцы ладонью и улыбается: — Не переживай!

— Я не переживаю.

— В каждой семье свои секреты.

Выходит, Рамона Монфор-л'Амори была ненормальной? И *удачливой* к тому же, раз ее предсказание сбылось. Но, возможно ли, чтобы ее болезнь передавалась по наследству? Может, теперь и я слетаю с катушек? Проклятье, не знаю, что и думать!

Тетушки смотрят на меня так спокойно, что это даже раздражает, но я чувствую, нет, знаю: они что-то скрывают. Вот только зачем?

Глава 4

ЭКСПЕРИМЕНТ

— Рассмотрите четыре экземпляра растений одного вида! — вяло предлагает лысый учитель и со скучающим видом складывает на животе руки. — Опишите фенотип каждого растения, используя таблицу, которую вы видите на доске. Эта лабораторная работа легкая. Меня не волнует, если вы считаете иначе. Тетради должны быть у меня на столе со звонком.

Отлично. Просто замечательно. Мне всю ночь снилась девушка, которая вроде бы как попала под машину. Я толком не спала и отрубилась лишь с рассветом.

К тому же тетя Норин целое утро была какой-то рассеянной. Разбила чашку, мне в глаза не смотрела. Все теребила воротник свитера, словно у нее аллергия, и молчала. Не знаю, что с ней. Хотела найти Мэри-Линетт, чтобы спросить, все ли в порядке. Но она уехала на работу. Тогда-то я и задалась вопросом: а где работает тетя Мэри.

— Что ты принесла? — спрашивает Мэтт, усевшись напротив на маленький стул.

— Дуб и каштан. — Я сорвала их по дороге, потому что вчера совершенно забыла про биологию, но парню об этом знать не обязательно. — А ты?

— Рожь и ячмень.

— Неужели тебе действительно интересно этим заниматься?

— Нет, мне действительно хочется поступить в хороший университет.

— Надеешься на стипендию?

— А ты нет?

Я задумчиво застываю и пожимаю плечами:

— Я об этом даже не думала.

У Мэтта выразительные глаза. Сейчас они смотрят на меня так, словно я проговорила нечто на эсперанто. Он вскидывает брови:

— Ты не собираешься поступать в колледж?

— А это так важно?

— Да, — неуверенно отвечает он, — ты же не собираешься всю жизнь торчать здесь.

— Я в Астерии всего два дня, а ты уже меня прогоняешь, — улыбаюсь и придвигаюсь к Мэтту так близко, что вижу фиолетовые крапинки в его сапфировых глазах.

— Делать здесь нечего.

— Говоришь так, будто ненавидишь это место.

— Возможно, — парень пожимает плечами и отодвигается.

Он склоняется над своей тетрадкой и начинает чертить таблицу. На его лбу образуется складка. Никогда не видела, чтобы кто-то так ответственно и серьезно подходил к биологии.

— Почему?

— Что?

— Почему ты не любишь этот город? — я с интересом смотрю на парня. Он поворачивает голову и криво улыбается:

— «Религиозная дыра», забыла?

— Так дело в церквях.

— В их огромном количестве, — исправляет он и вновь на меня смотрит. Мне нравится с ним общаться, и я вдруг пугаюсь, что в какой-то момент мне понравится и *биология*.

— Причина только в этом?

— Нет. Естественно, причин много, Ари.

— Так расскажи. Я, может, тоже захочу убежать.

— Это сложно! — Мэтт откладывает карандаш. — Город настолько маленький, что все знают друг друга в лицо. Однако это не мешает пускать сплетни, говорить чушь и собираться на службе каждое воскресенье, чтобы восхвалить Бога за его милосердие. Я смотрю на это с некой долей скептицизма и отношусь к тем, кто не видит ничего классного в разбавлении чтения псалмов на церковных уроках еще и хождением в храм.

— Тебя это не на шутку волнует!

— Хочу сменить обстановку, уехать куда-нибудь. Вот ты откуда?

— Из Северной Дакоты.

— И почему ты уехала?

Рассеянно роняю ручку и успеваю придавить ее ладонью до того, как она свалится на пол. Мэтт ждет, а у меня горло как будто наполнено кирпичами.

— Там холодно, — неожиданно шепчу я, поправив волосы, — и мало солнца.

— Холодно и мало солнца? — недоверчиво переспрашивает он.

Киваю. Парень продолжает чертить таблицу, а я нагло у него списываю. Потом он говорит:

— Вчера ты убежала из столовой.

Ну, отлично. Давай поговорим об этом!

— И что? — выпрямляюсь я и складываю руки на груди.

— Ничего. Просто это выглядело довольно странно.

— А разве ты не слышал, у меня вся семейка странная.

— Слышал. Но я уже сказал тебе, как отношусь к слухам.

— Слухи не появляются из воздуха, Мэтт.

— Да, их выдумывают обыкновенные люди, Ари.

Мы буравим друг друга взглядами, а затем я все-таки усмехаюсь и отворачиваюсь. В груди у меня теплеет и становится как-то спокойно. Неужели в этом городке есть хотя бы один человек, который не считает меня сумасшедшей?

— Куда ты хочешь поехать учиться? — интересуюсь я, вернувшись к работе. Мы так близко, что наши локти соприкасаются. — У тебя наверняка все расписано.

— Если честно, мы с Джил уже все продумали.

— С Джил?

— С моей девушкой, — кивает Мэттью, а я растерянно застываю. — Ей всегда хотелось в Европу, но я реалист. Рассчитываю только на те штаты, что находятся рядом.

— И на какие? — чужим голосом спрашиваю я и немного отстраняюсь. Почему я сразу не поняла, что у него есть девушка? Неудивительно. Мэтт добрый и ответственный. Такие парни непопулярны в средних классах, но становятся объектами преследований в старшей школе, когда у девушек просыпается здравый смысл.

— Честно? Мне все равно, Ари. Я просто хочу уехать.

— Верно. Что-то мне подсказывает, что у тебя все получится. — Я искоса смотрю на него, а он широко улыбается. Довольный, будто бы я его благословила. — Что?

— Ничего.

— Почему ты так смотришь?

— Как? — Мэтт улыбается. — Я вообще на тебя не смотрю. Черчу нам таблицу. Ты ведь не любишь биологию, правильно?

— Правильно, — я смущенно поджимаю губы и вновь подвигаюсь к нему поближе. Он хороший парень, даже слишком. — Как ты это делаешь? Боже, какая-то тупая трава.

— Это пшеница, Ари.

— Значит, тупая пшеница.

Мэтт вздыхает, и мы продолжаем заполнять поля, то и дело сталкиваясь локтями.

Сажу на скамейке, подставив лицо солнечным лучам. Как же это приятно. Тепло так и скатывается по моим плечам, впитывается в кожу. Я просидела бы здесь вечно, лишь бы отвлечься от мыслей, бродящих в голове.

Солнце играет на красноватых стволах деревьев. Я задумчиво разглядываю их, траву и черную землю, а затем прикрываю глаза и со вздохом откидываю назад волосы. Мне как никогда не хочется шевелиться, особенно идти домой. Что на этот раз я увижу по дороге?

От воспоминаний об изломанных руках незнакомки мне становится плохо.

— Ари! — доносится знакомый голос, и я выпрямляюсь.

Довольно помахивая рукой, ко мне плетется Хэрри в широких темных джинсах и рыжей футболке с надписью *Peace*. Он останавливается перед скамейкой, я приветливо улыбаюсь:

— Привет, Хэйдан.

— Привет, как ты? — Парень плюхается рядом и бросает на колени книжки. — Ты вчера так стремительно убежала, я даже опомниться не успел. Все в порядке?

— Ну да.

— У тебя уже закончились уроки?
— Закончились, но я решила посидеть немного. Тут очень красиво. — Оглядываюсь и в который раз улыбаюсь. Я сама на себя не похожа. — А ты освободился?
— Не меняй тему!
— Ого, — удивленно восклицаю я, — а ты настойчивый.
— Мне показалось, что вчера ты испугалась.
— С чего ты взял? — Я с силой сжимаю край скамейки.
— Ари, я ношу очки, но я не слепой. И да, мы едва знакомы, — парень нервно потирает переносицу и глядит куда-то вперед, — но ты можешь поделиться. Правда!
— И с какой стати мне тебе доверять?
— Кому-то ведь надо.
— И, конечно, именно тебе.
— Ты сказала, я твой друг.
— Так и сказала? — наигранно интересуюсь я.
— Именно. Еще ты сказала, что я *милый*, — уточняет он, а потом переводит на меня взгляд и улыбается. — Так что, ты сама напросилась.

Я вздыхаю. Гляжу на голубое небо и пожимаю плечами:

— Мне показалось, что я увидела свою сестру.
— Она тоже переехала в Астерию?
— Нет. — Я сгибаюсь и стискиваю зубы. — Она умерла. Погибла в автокатастрофе, как и мои родители полгода назад.

Хэйдан растерянно замирает. Не хочу смотреть на него, ведь знаю, что увижу. Все одинаково реагируют на такие слова, их лица перекашивает от жалости и шока. Они мало что понимают, но из кожи вон лезут, притворяясь, будто понимают все.

— Ари, — наконец говорит Хэйдан, — это паршиво.

Я нервно усмехаюсь и гляжу на парня:

— Да, Хэрри, веселого мало.
— Поэтому ты переехала к сестрам Монфор?
— Да.

Он вновь замолкает и устремляет взгляд в пустоту.

Ветер бесстыже гоняет листья по изнуренной от солнца дороге, а деревья хрустят и трещат, словно умеют говорить. Я пытаюсь отвлечься, но больше и больше думаю о той аварии, что отняла

у меня семью. Водитель грузовика выехал на встречную полосу, и только-то. Одно неверное движение! И моя жизнь превратилась в нечто чужое.

— У меня сейчас искусствоведение, — сообщает Хэрри и поднимается на ноги. Я думаю, парень собрался уходить, но он неожиданно протягивает мне руку, и я недоуменно гляжу на него. — К черту это искусство! Идем. Я провожу тебя до дома.

— Не надо.

— Хочешь, чтобы моя самооценка провалилась в тартарары?

— Не надо прогуливать из-за меня, — уточняю я, смутившись.

— А кто сказал, что из-за тебя? Я вообще-то ради себя стараюсь. Хочу прогуляться до дома с симпатичной девушкой. Знаешь, как часто подобное происходит в моей жизни, а? Уверен, ты скажешь, постоянно. Но нет, к сожалению, не все девушки в этой школе могут по достоинству оценить преимущества такого друга, как я.

— Какие они глупые, — хватаясь за руку Хэрри, отрезаю я, — ничего не понимают!

— Вот и я так считаю. Я даже как-то раз сказал об этом Молли Чемберс.

— И как она отреагировала?

Хэйдан поднимает руку, будто закрываясь от солнца, и восклицает:

— Молли? Молли? — Он оглядывается и опечаленно пожимает плечами: — Кажется, ей не очень-то это понравилось. Я говорил, что она блондинка? Уверен, все дело в этом.

— Сто процентов.

Я усмехаюсь, и мы медленным шагом направляемся к дому.

— Расскажи о себе, — неожиданно прошу я, поглядывая на парня.

— О себе?

— Ну да.

— Я даже не знаю. — Хэрри смущенно снимает очки и протирает стекла.

— Чего ты? Секретничаешь?

— Нет, просто в моей жизни нет ничего интересного. Я всегда жил здесь, в Астерии.

— Это плохо?

— Жутко скучно, — он смотрит на меня, кривя губы. Глаза у него орехового цвета, очень интересные. Я вдруг отмечаю, что без очков он само очарование. — Люди в Астерии древние, как тачка моего деда — пикап шестьдесят девятого года! Он порхает, но рычит на каждом повороте. Так и жители нашего *райского городка*. Делают все то же самое, что и жители других городков, но постоянно сетуют и перемалывают косточки.

— Смотрю, никто не любит это место.

— Я не могу сказать, что не люблю... Я просто живу, и все. Наблюдаю. Люблю за людьми наблюдать. Пожалуй, это единственное развлечение.

— Наблюдать за людьми? Теперь ясно, отчего ты шел за мной. Мне уже уносить ноги?

— Издеваешься?

— Имею право, Хэрри-руки-ножницы.

— Знаешь, жизнь в Астерии как дешевый затянутый сериал! У тебя есть любимые герои, а есть те, кого ты терпеть не можешь. Так ведь?

— Допустим.

— За кем-то я наблюдаю с удовольствием, а кого-то перематываю.

— Я жду развязки этой великолепной метафоры.

— Сестры Монфор, — выпаливает Хэйдан и воодушевленно машет руками, — мои любимые персонажи.

— Ого! — Я недоуменно хмурюсь и гляжу на парня настороженно: — И почему?

— Ари, твои тетушки — самые странные женщины из всех, с кем я встречался.

— И как встречался — по очереди или сразу с обеими?

— О, ну что за шутки, — возмущается он, а я прыскаю со смеху, — я не это имел в виду!

— Надеюсь.

— Слушай, знаю, ты сейчас думаешь: что этот ненормальный кретин вообще несет?

— А ты читаешь мысли. Может, ты тоже из нашей семейки Монфор, а?

— Они замкнутые, скрытные! — Хэрри проводит пальцами по густым каштановым волосам и отворачивается. — Я серьезно.

— Многие замкнутые и скрытные, Хэйдан.

— А многие каждый месяц в полночь укатывают на машине в лес?

Я растерянно вскидываю брови и переспрашиваю:

— Что делают?

— Однажды я видел, как Мэри-Линетт достала из гаража две металлические балки.

— Знаешь, не думаю, что металлические балки используют в вуду-магии.

— Каждая килограммов двадцать пять весит! — Хэрри глядит на меня огромными глазами, а я покрываюсь дрожью. — Но твоя тетя ничего не почувствовала, просто подняла их и унесла на задний двор, будто переносила корзинки с цветочками.

Мне становится не по себе. Я натянута улыбаюсь и отмахиваюсь:

— Что ты выдумываешь! Чушь какая-то.

— Я не выдумываю.

— Откуда ты вообще об этом знаешь? Круглосуточно, что ли, следишь за ними?

— Нет, я ведь не маньяк.

— Уверен?

— Слушай, Ариадна, я не собирался ни за кем наблюдать. Веришь? — Хэйдан останавливает меня, прикоснувшись к локтю, и виновато опускает глаза. — Так вышло. Я просто однажды заметил нечто странное и не смог об этом забыть.

— И что ты заметил? — торопливо спрашиваю я. Понятия не имею, хочу ли я услышать ответ. Но пути назад нет. — Что так тебя поразило, что ты устроил слезку?

— Не хочу рассказывать.

— Чего вдруг?

— Не знаю. Это пугает меня, пожалуй. — Хэйдан потирает ладонью лицо и хмыкает. В его глазах мелькает усмешка: — Я ведь трус и всегда им был. Года в три ехал на карусели и думал: черт подери, мне конец, мы все умрем.

— Хэрри, рассказывай!

— Но...

— *Рассказывай!* — я смотрю парню прямо в глаза и стискиваю зубы. Он должен прямо сейчас объяснить мне, в чем дело. Прямо. Сейчас. — Давай!

Хэйдан застывает на несколько секунд, а затем послушно начинает:

— Я опаздывал на воскресную службу. Все уже собрались в церкви. На площади было тихо и пусто. Тут я заметил человека у дверей. Это была твоя тетя Норин. Меня в то время еще не волновали все эти штучки и рассказы людей в том числе. Я подошел к ней, хотел поздороваться... А потом увидел, как она пытается взяться за дверную ручку.

— И?

— У нее не получалось.

— В каком смысле?

— Не знаю, как объяснить. Правда, не знаю! Она протягивала руку, но какая-то сила не давала ей прикоснуться к двери. Будто бы возникала стена.

— О чем ты говоришь, — испуганно шепчу я.

— Твоя тетя рычала, ее лицо... оно было бледное.

— Рычала?

— Скорее *шипела*, как змея. Отчаянно пыталась прикоснуться к двери и злилась, что у нее не получается. Я жутко испугался. Сказал что-то, она меня заметила, резко повернула в мою сторону голову. А потом побледнела еще сильнее, хотя, признаться, я и не думал, что кожа у людей бывает такого цвета, и убежала.

— Убежала?!

— Да.

Мы молчим. Хэйдан смотрит на меня, я смотрю на него, а сказать нечего. О чем этот парень толкует? Он что, спятил? Рассказывает что-то немыслимое.

— Интересная пилотная серия в твоем сериале, — наконец говорю я и иду в сторону дома. Хэрри бежит за мной:

— Ари, подожди!

— Ты себя слышишь? Моя тетя рычала? Пыталась прикоснуться к дверям церкви, но не могла? Что это за выдумки?

— Но это правда! — горячо восклицает парень.

— Правда? Это бред.

— Зачем мне лгать?

— Откуда я знаю! Разве человеку, который увлекается сталкерскими штуками, можно доверять? Нет. Вряд ли.

— Ничем таким я не увлекаюсь. Просто хочу понять, что видел.

— И какие предположения?

— Ну...

— Что?

— Ты сама знаешь.

— О чем знаю? — я резко останавливаюсь и лихо оборачиваюсь, едва не столкнувшись с парнем лицом. — Что тетя Норин — *ведьма*, которой Господь Всемогущий не позволяет пересечь порог церкви?

— Я понимаю, звучит это странно.

— Не просто странно, Хэрри. Попахивает сумасшествием. Но... окей. — Я с усилием сглатываю. — Допустим, ты не врешь. Тогда выходит, что и я...

— Наверное, — нерешительно соглашается парень, — чисто теоретически.

— Чисто теоретически мне бы сейчас ударить тебя, Хэрри Эбнер Нортон, и уйти.

— Но ты ведь не сделаешь этого?

— Я подумаю.

Озадаченно оглядываюсь и прикусываю губу. Итак, кажется, парень спятил. Но он же не может спятить одновременно со мной, а я ведь тоже вчера видела нечто довольно-таки странное. Вдруг мы не ошибаемся?

Неожиданно я вижу перед собой церковь. План в моей голове созревает молниеносно. Я сжимаю кулаки и срываюсь с места.

— Ты куда? — недоумевает парень.

— Теорию проверяют на практике.

— Ты о чем?

— Если тетя Норин не смогла пересечь порог церкви, то и я не смогу. Верно?

— Ты хочешь попробовать?

— Я хочу убедиться в том, что у тебя поехала крыша.

Замираю перед высоченными деревянными дверями и втягиваю в легкие воздух. Не любила никогда подобные места. Может, теперь моя неприязнь обретет смысл?

Так. Соберись! Я вытягиваю руку и с силой стискиваю зубы. Не сходи с ума, Ари, ты не делаешь ничего опасного или противозаконного. Просто открой дверь!

— Давай, — шепчу я, распахнув глаза так широко, что их щиплет, — давай же!

Я протягиваю ладонь и осторожно касаюсь пальцами медной потертой ручки. Жду грома, молний, жаб в виде осадков, однако ничего не происходит. Внутри сразу же становится так спокойно, что у меня подгибаются колени. Черт возьми! Солнце палит с прежней силой, на небе ни облачка. Да и чувствую я себя нормально.

Перевожу взгляд на бледного Хэрри и торжественно объявляю:

— Я не проклята!

Парень усмехается и потирает переносицу.

— Ты уверен, что не принимал в тот день ничего... противозаконного?

— Ты про наркотики? Ты про меня и наркотики?

— Я тебя совсем не знаю, — пожимаю я плечами, а затем усмехаюсь: — Ладно-ладно, я пошутила. Но сам подумай: должно же быть объяснение твоим галлюцинациям.

— Это не галлюцинации, — настаивает Хэйдан. — Я знаю, что видел.

— А еще ты знаешь, что молния не поджарила меня, как бекон.

— Не поджарила, но, может, она не поджаривает хороших ведьм, а?

— Сейчас договоримся, и я сама тебя поджарю.

— Ну, ладно, как скажешь. — Хэрри кивает, и мы продолжаем двигаться к дому. Он молчит всю дорогу. Идет, опустив голову. Потом, остановившись напротив нашего коттеджа, тяжело вздыхает и кривит губы: — Здесь столько поколений Монфор жили. Откуда мы знаем, чем они занимались и кем были.

— В Астерии полно старых домов, Хэйдан.

— Старых домов — да. Но старых секретов — нет, — он пожимает плечами и уходит.

Я открываю входную дверь как раз в тот момент, когда на кухне кто-то говорит:

— Сделаем это сегодня.

Сделаем что? Хмурю брови и громко хлопаю дверью.

— Я дома! — Тут же становится тихо. Сбрасываю с плеча сумку. Эти тайны доконают меня. Я уверена. Медленно плетусь по коридору, вдыхая запах трав и настоек, и растерянно смотрю по сторонам, будто бы ответы витают вокруг меня: в этих старых фотографиях, на пыльных полочках, внутри потрескавшихся стен.

Останавливаюсь напротив черно-белого выцветшего снимка и наклоняю голову. На меня смотрит молодая улыбающаяся девушка со светлыми волосами. Рамона Монфор. Не знаю почему, но внутри у меня все холодеет. Касаюсь пальцами стекла, прикусываю губу. Я никогда не думала, что у моей семьи есть тайны; что за стенами скрываются секреты. Мне казалось, мы вполне обычные. Нервная мама, молчаливый отец, надоедливая сестра. Разве таких мало? Они везде и всюду. Куда ни взгляни, все живут одинаково. А тут оказывается, что за пеленой обыденности скрывается целая история поколений. Милый маленький город и слухи, предубеждения. Клеймо, о котором моя мама никогда мне не рассказывала.

— Рамона говорила, люди слишком глупы, чтобы быть счастливыми, — говорит тетя Норин, и я невольно вздрагиваю. Как она так неожиданно оказалась рядом? — Прости, я не хотела тебя напугать.

Да? Потому что мне кажется, все только этим и занимаются: хотя спровоцировать у меня сердечный приступ. Откашливаюсь и киваю:

— Она не похожа на сумасшедшую, у девушки огромные глаза, добрые. Я хотела бы с ней познакомиться. Возможно, она смогла бы ответить на мои вопросы.

— Скажем так, Рамона отличалась от других.

— Разве это делает людей ненормальными?

— Это делает их одинокими. — Тетя Норин вновь нервно потирает шею и переводит на меня пронзительный взгляд: — А когда люди одиноки, они сами на себя не похожи.

В какой-то момент воротник ее свитера опускается, и я замечаю татуировку на ее шее. У меня, кажется, глаза на лоб лезут. Никогда не подумала бы, что тетя Норин добровольно согласилась на тату! Вот это да.

— Последствия бурной вечеринки? — удивленно спрашиваю я.

Норин не сразу понимает, о чем я. А когда понимает, бледнеет и опускает руку. Может, поэтому она постоянно носит свитера под горло? Скрывает татуировку. Не поверишь, что я действительно увидела нечто подобное у этой женщины.

Тетя Норин — правильная и гордая особа, жизнь которой подходит для героев романа о Средневековье. Она вкусно готовит, красиво говорит, много читает, играет на фортепиано. Она педантична и непоколебима, как и все персонажи в книгах Жюльетты Бенцони! Разве она могла дать добро на тату в виде перевернутого треугольника?

— В молодости мы совершаем ошибки, — наконец отвечает она, растянув губы. Но на улыбку это совсем не похоже. Мне даже становится жутко. — Я много чего натворила.

Это уже совсем не смешно. Я хочу съязвить, но не могу шевельнуться.

— Ты хороший человек.

Мы смотрим друг на друга. Норин словно говорит: я знаю, что ты сомневаешься, что ищешь ответы на вопросы, о которых лучше бы забыть. Она касается пальцами моих волос, заправляет их за уши. Продолжает глядеть мне прямо в глаза и шепчет:

— Все мы хорошие люди, когда хорошо притворяемся.

На ее лице неожиданно появляется ухмылка, и Норин уходит, оставив меня в полном замешательстве. Я не могу дышать. Смотрю ей вслед и хватаюсь руками за горло. Меня трясет. Неожиданно я верю в то, что моя тетя может быть опасной.

Черт возьми, сердце у меня бьется где-то в висках, я смотрю на стену, гляжу в глаза Рамоны Монфор и застываю. Кто же вы? И почему мне так страшно?

Глава 5

ПОТУСТОРОННЕЕ

Я лежу с открытыми глазами. В комнате темно, обои сливаются с мебелью.

Я жду. Сглатываю и зажмуриваюсь, прислушиваясь к тишине. Она давит. *Этот дом мертвый.* Я понятия не имею, откуда в моей голове такие мысли, но чувствую нечто, нависшее над моей кроватью, — оно живое, наблюдает за мной и парализует. Я вспоминаю рассказ Хэрри о том, как тетья Норин шипела, думаю о глазах Рамоны Монфор — таких же прозрачных и странных, как и озера в Мэриленде. Я думаю о религиозных фанатиках, которые глядят на меня так, будто бы я помазанная самого дьявола. И вспоминаю о девушке, которая попала под колеса машины.

Мне страшно. Взгляд тети Норин, ее улыбка, скорее похожая на оскал. Я никогда не подумала бы, что она способна проникнуть внутрь меня, толкать в ребра и разрывать меня на тысячи частей, поражать сердце, сжимать его, сдавливать в длиннющих пальцах...

Я резко переворачиваюсь на спину, устремив взгляд в потолок, и воображаю, как сквозь стену прорываются длинные черные когти, как они руют потолок, раскрывая его, словно свежую рану, и прорываются в мой мир. Я невольно представляю уродливую голову, слизь, оставленную на стенах костлявыми пальцами. Представляю это и чувствую, как мой пульс тарабанит в шее. Сердце колотится в груди как сумасшедшее. Мне нечем дышать.

— Так, хватит!

Я вскакиваю с кровати и включаю лампу. В комнате загорается тусклый свет, и мне становится лучше. Вытираю ладонями вспо-

тевшее лицо, осматриваюсь и обхватываю себя, словно защищаясь от чего-то.

Я сошла с ума. Сто процентов! Я двинулась! Тут слышу, как внизу хлопает входная дверь. Вздрагиваю и вглядываюсь в темноту, будто жду, что сейчас кто-то ворвется ко мне в спальню. Но никто не врывается. Слышу звук автомобильного мотора.

— Что за...

Срываюсь с места и несусь к окну. На ходу вырубая свет, отдвигаю занавеску и замечаю, как Норин и Мэри-Линетт садятся в остроносый «Фольксваген». Что такое?

Я прижимаю лицо к стеклу почти вплотную, пытаюсь разглядеть происходящее. За рулем Мэри-Линетт. Она газует, пыль вспыхивает под колесами, и через пару секунд мои тети скрываются за неосвещенным черным поворотом.

«А многие люди каждый месяц в полночь укатывают на машине в лес?» — невольно вспоминаю я и в ужасе качаю головой:

— Нет-нет, не может быть!

Смотрю на часы, висящие на стене: *полночь*.

Вот черт. Да вы, должно быть, шутите! Я пялюсь на пустую дорогу и застываю: какого дьявола творится, куда они уехали?

«Сделаем это сегодня!» — всплывает в моей голове. Они планировали уехать и уехали. Вот только зачем? Что им нужно так поздно в городке? И в городке ли?

Я стискиваю зубы. Необходимо понять, что происходит, и мне плевать, что тетушки не собираются откровенничать. Я заставлю их рассказать правду, хотя бы они этого или нет. И помочь мне может только один человек.

Сажусь за ноутбук, открываю свою страницу в интернете и ищу Хэйдана Нортонa. Я не взяла его номер, вариантов у меня нет. Нахожу аккаунт Хэрри практически сразу и в ту же секунду начинаю хохотать. На фотографии Хэрри заметно моложе, чем сейчас. Я все-таки смеюсь, ударившись лбом о поверхность стола. Господи, дай мне сил смириться с тем, что единственный человек, способный мне помочь, главный неудачник Астерии.

Надо спешить, но я невольно открываю закладку: информация о пользователе.

Адрес: *город Ужаса, Завывающий район, улица Страданий, дом ожиданий, квартира страстного поклонника ходячих мертвецов.*

— О боже, парень, что же ты творишь? — вопрошаю я, удивившись, что он онлайн.

Пишу короткое сообщение: «Доставай сталкерские штучки. Есть дело. Встретимся у церкви через пять минут». Потом вспоминаю слова Мэтта о том, что церковью тут достаточно и добавляю: «У той церкви, где мы тестировали мою грешную душу».

Ответ приходит практически сразу: «Уже выдвигаюсь. Машину брать?»

Я довольно усмехаюсь. «Если она прилагается к набору юного преследователя, бери».

Парень выходит из социальной сети, а я решительно спрыгиваю с кресла. И так, я должна выяснить, что затеяли мои тетушки. Буду безмерно рада, если эта чушь — плод моего разыгравшегося воображения и они просто захотели полюбоваться звездным небом вдвоем в полнолуние, да еще и в полночь.

Закатываю глаза и достаю из комода скомканный свитер. Натягиваю джинсы. Мне не приходилось раньше следить за кем-то ночью, но я вдруг думаю, что мне надо взять с собой куртку, зарядное устройство, «Джелли Белли» — мои любимые желейные конфеты — и блокнот с ручкой. Не знаю, зачем последнее.

Выбегаю на улицу и только сейчас понимаю, что вообще-то ночь и я тут одна. Не то чтобы я трусиха, но мне как-то не по себе. Идти до церкви минут пять, если я потороплюсь, то время пронесется еще быстрее, однако мне беспокойно. Лучше бы я не блокнот с ручкой взяла, а нож. От маньяков неудобно отбиваться зарядным устройством, и конфетами их до смерти не накормишь.

Оглядываюсь, просовываю руки в карманы куртки и слышу лишь завывание ветра. В коттеджах не горит свет. Так тихо, слышен только топот моих кроссовок. Хуже бывает только в фильмах ужасов, где к отвратной обстановке прибавляется еще и отвратная музыка. Я вижу церковь, возвышающуюся на фоне маленьких домов.словно стрела, она врывается в темноту неба. Разноцветные витражи устрашающе блестят в лунном свете, переливаются желтым, синим и фиолетовым, и мне внезапно кажется, что кто-то за стеклами наблюдает за мной. В горле встает ком. Мне показалось. Там никого нет.

Сзади доносится хруст. Я резко оборачиваюсь и примерзаю к месту. Какого черта?

Ветер пронесется по темной улице, завывая и подкидывая высохшие листья, и я не вижу ничего, кроме пугающей пустоты, опоясывающей квартал. Что это было?

Поправляю волосы и продолжаю медленно идти. Теперь мне действительно не по себе. Церковь уже перед носом, жутко хочется увидеть Хэрри. Неожиданно я становлюсь на удивление робкой девушкой. Никогда не думала, что паника подкрадывается к тем, кто пережил самые страшные мгновения в своей жизни.

Очередной треск полоснул по мне, словно бритва. Я оборачиваюсь, уверенная в том, что за мной кто-то следит, но никого не вижу. Никого!

Это меня не устраивает. Резко разворачиваюсь и стремительно несусь к церкви. Пошло все к чертям. Найду тетушек и сверну им шею!

— Ари, — раздается до боли знакомый голос, — Ари, куда ты?

Я останавливаюсь. Меня будто ударили по ребрам, я не могу дышать. Не знаю, откуда взялись силы, но я оборачиваюсь и вижу то, что заставляет меня согнуться от боли: напротив меня метрах в тридцати стоит *Лора*.

— Ари, — говорит она, — Ари, почему ты убегаешь?

Я хватаюсь ладонями за лицо. О боже, этого не может быть! Нет! Нет!

— Пожалуйста, вернись! Я соскучилась, Ари. Мне холодно.

— О господи, — срывающимся голосом бормочу я, пятась. Это невероятно — моя сестра умерла, она не должна быть здесь, не может стоять напротив меня! — Это не ты, нет!

— Ари, что с тобой? Тебе плохо?

— Это не ты! — кричу. — Нет, нет...

Тело сводит судорогой. Моя сестра смотрит на меня огромными карими глазами, я замечаю струйку крови, вытекающую из ее тонкой шеи. Кровь катится по плечам, по руке и с пальцев падает на асфальт: кап-кап.

Меня трясет. Я стою с широко открытыми глазами и чувствую, как внутри разгорается дикая паника, о существовании которой я раньше не подозревала.

- Нет!
- Ари!
- Нет! — повторяю я и отхожу назад.
- Останься!
- Нет...
- Ари, пожалуйста, мне страшно.
- Нет! — кричу я и срываюсь с места.

Ноги цепляются за асфальт, будто он липкий, но я упрямо несусь вперед, отчаянно работая руками. Что происходит? Перед глазами все плывет. Грудь дерет от боли. Это не может быть правдой. Нет-нет, это не Лора. Я сошла с ума. Это не она.

Я оборачиваюсь и вижу, как моя маленькая сестра тянет ко мне окровавленную руку.

- Ари! — зовет она, и я внезапно врезаюсь во что-то твердое.

Меня отбрасывает назад. Мир переворачивается, я замечаю, как небо валится на меня и придавливает сводом к холодному асфальту. Но меня поддерживают чьи-то руки, и, вместо того чтобы очутиться на земле, я оказываюсь в крепких объятиях.

— Ты что творишь? — спрашивает знакомый голос, и, подняв голову, я вижу Мэтта. — Ари, что с тобой?

Я не могу дышать и говорить не могу. Смотрю туда, где несколько секунд назад стояла моя сестра, и застываю: на дороге никого нет, там пусто.

- Что происходит?

- Черт! — кричу я и отскакиваю от парня.

Что со мной? Боже, что со мной? Я смотрю на дорогу, колени трясутся, меня бьет дрожь. Это ведь невозможно, Лора не могла быть здесь. Она умерла, ее нет!

- Ари...

Мэтт приближается ко мне, а я отступаю еще на шаг. Растерянно смотрю на парня.

— Что ты здесь делаешь? — Мой голос тихий. Чужой, будто и не мой вовсе.

Настороженно осматриваю Мэтта: что он тут забыл? На нем теплая толстовка, черные джинсы: он одет так, словно решил выйти подышать свежим воздухом. Но кто в здравом уме захочет бродить ночью по Астерии?

— Какая ты бледная. Ты плакала?

— Что ты здесь делаешь?

— Тебя жду.

— Меня?

— Да. Хэрри возится с машиной, завести не может... Попросил меня подойти к церкви и встретиться с тобой, чтобы ты не волновалась.

— Но... — от удивления я не могу подобрать слова. — С какой стати он попросил тебя? Вы дружите? Живете рядом? Не понимаю.

— От кого ты убежала?

— Где Хэрри?

— Ответь на мой вопрос!

— А ты — на мой. — Вдруг он шел за мной по пятам и это его я слышала? — Мэтт, почему ты здесь?

Мне это не нравится. Что он забыл возле церкви? Я до сих пор не могу отделаться от ощущения, будто Лора стоит рядом, смотрит на меня, касается окровавленными пальцами рукава моей куртки, а тут еще и Мэтт с непроницаемым лицом. Вроде как нет ничего странного в том, что он гуляет в полночь по пустынным улицам.

— Я уже все тебе объяснил, Ари, — отвечает парень. Мы настороженно смотрим друг другу в глаза, и ветер сквозит между нами, прорываясь под одежду и заставляя дрожать от холода. — Хэйдан занят, но он не хотел, чтобы ты торчала тут одна.

— Но почему он попросил именно тебя?

— Потому что мы живем вместе.

— Что вы делаете?

Мэтт разводит руки в стороны:

— Хэйдан — мой брат.

— Брат? — растерянно переспрашиваю я. — Не может быть.

— Сводный.

— Но вы совсем не похожи!

— Мы и не должны быть похожи.

— Не могу поверить! — Хэрри и Мэтт — два полюса, я никогда не подумала бы, что они братья, ведь они абсолютно разные. — Ты серьезно?

— Скажи, что стряслось, Ари, — Мэтт пристально смотрит на меня, — тебя трясет.

— Мне показалось...

— Что?

— Что... — Нет уж. Я не собираюсь рассказывать Мэтту о своих галлюцинациях. Только не ему! — ...Что за мной кто-то следил. В этом есть доля правды. Не такая уж я и лгунья.

— Следит? — парень оглядывает улицу. — Ты его видела?

— Или ее... — горько усмехаюсь я и вспоминаю лицо Лоры. Боже, неужели это действительно со мной происходит? Я схожу с ума. — В современном мире не только мужчины становятся ма-
ньяками.

— Шутишь?

— Пытаюсь.

— У тебя лицо в слезах.

Мэтт заботливо стирает слезы с моего подбородка, а я засты-
ваю:

— Что ты делаешь?

— Пытаюсь привести тебя в чувство.

— Боюсь, ты только меня смущаешь! — я отстраняюсь от Мэтта. Он абсолютно спокойно на меня смотрит, будто не сделал ничего странного. Не могу его понять. И он, кажется, не может понять меня.

— Ты в порядке?

— Да, спасибо.

— Точно?

— Точно. — Я невольно оглядываюсь.

— Так куда вы собрались? Уже поздно.

Я перевожу взгляд на парня и прищуриваюсь:

— С какой целью интересуешься?

— Собираюсь разболтать родителям.

— Так и знала.

— Ари, серьезно, во что ты втягиваешь моего брата?

— У нас обоюдное втягивание, — язвлю я и шмыгаю носом.

— Хэрри доверчивый, а такие, как ты...

— Это какие?

— Ты знаешь.

— Честно? Понятия не имею.

— Ты новенькая и интересная... — Мэтт пожимает плечами. — Еще и симпатичная.

— Симпатичная, — скептически повторяю я.

— Хэйдан, конечно, влюблен в свою Каролину с четвертого класса, но он легко может потерять голову. У него странные вкусы, друзей мало. А тут являешься ты, и вы решаете отправиться куда-то посреди ночи. Это настораживает.

Что? О чем он вообще говорит? Я хмурюсь:

— Тебя это не касается.

— Мне это не нравится.

— Мы вроде не должны спрашивать у тебя разрешения.

— Не должны, — соглашается он, — но одних я вас не отпущу.

— О господи, — усмехаюсь я и складываю руки на груди. — Ты серьезно?

— Да. — Парень выпрямляется и теперь кажется мне просто гигантом. — Куда вы едете?

— По делам, — не сдаюсь я. Не хочу, чтобы Мэтт узнал что-то о моих тетях. Он ведь единственный человек, который не считает меня ненормальной. — Ты с нами не поедешь.

— А я вроде не должен спрашивать у тебя разрешения, Ариадна, — изврит он, и я удивленно вскидываю брови. Ого, оказывается, этот парень слышал о таком явлении, как сарказм.

— Тебе это не понравится.

— Мне это *уже* не нравится.

— Мэтт...

— Ари, я не отпущу Хэрри одного. Я с ним, куда бы он ни пошел.

— Но ему не пять лет.

— Какая разница? И в пять, и в пятьдесят он будет моим братом.

Я пожимаю плечами. На самом деле мне нравится, что Мэтт так печется о Хэйдане. В этом есть что-то, вызывающее восхищение.

— Ладно, — отвечаю я со вздохом. — Дело твое, но не говори потом, что я тебя не предупреждала.

— Договорились. Так что вы собираетесь делать?

Почему-то я уверена, что Мэтту наша идея не придется по душе, но что поделать. Он сам напросился... А мог сидеть дома и болтать по телефону со своей ненаглядной Джил, с-которой-он-уже-до-мелочей-продумал-будущее.

Подхожу к парню ближе и серьезно сжужу брови. Нет ничего веселого в том, что мы собираемся сделать. Нам нужно или прямоком направляться в клинику для умалишенных, или быть предельно осторожными.

— Мы собираемся проследить за моими тетушками.

Мэтт хлопает густыми черными ресницами и переспрашивает:

— Что?

— Ты слышал.

— Зачем?

— Норин и Мэри-Линетт что-то скрывают, — поясняя я. — Хочу выяснить, что именно. Это важно.

— И делать это надо сейчас, да? — Парень насмешливо хмыкает: — Классика.

— В каком смысле?

— Вы не хотите решать проблемы утром, вам подавай драму.

— Я не виновата, что мои тети отправились черт знает куда именно в полночь.

— Но разобраться решила ночью. А нельзя завтра спросить у них за завтраком: эй, а куда вы вчера уезжали так поздно? Надо искать их по ночной Астерии.

— Где гарантия, что они скажут правду? Я должна увидеть все своими глазами.

— Что ты собираешься увидеть, Ари?

— Мэтт, я не заставляю тебя идти с нами.

— Ответь, в чем дело, — парень морщит лоб и пристально глядит на меня, мне даже не по себе становится. — Почему твои тети вообще ночью куда-то поехали?

— Это я и собираюсь выяснить. — Я поднимаю ворот куртки. Неожиданно на улице становится очень холодно, и я рада, что накинула ветровку. — Все вокруг шепчутся, ты знаешь, а тети ничего мне не рассказывают.

